

ОРДЕНА ЛЕНИНА АКАДЕМИЯ НАУК УССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ им. А. А. ПОСЫПАНИ

На правах рукописи

ЦЫГАНЕНКО Галина Павловна

УДК 808.2:801.2.24; 808.3

СОСТАВ СЛОВА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(в сопоставлении с украинским)

Специальность: 10.02.01 — русский язык
10.02.02 — языки народов СССР
(украинский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

в форме научного доклада на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Работа выполнена в ордена Трудового Красного Знамени
Институте языковедения им. А.А. Потебни АН УССР

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор А.Д. Зверев
доктор филологических наук
профессор Л.С. Паламарчук
доктор филологических наук
профессор Ф.П. Сороколетов

ЛНБ України ім.В.Стефаника

00816066 (R)

Ведущая организация - Киевский государственный педагогический
институт им. А.М. Горького

Защита диссертации состоится 15 октября 1991 г.
в 15 часов на заседании специализированного совета Д.016.28.01
по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора фило-
логических наук при Институте языковедения им. А.А. Потебни
АН УССР /252001, Киев-1, ул. Кирова, 4/.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
языковедения им. А.А. Потебни АН УССР.

Автореферат разослан 27 августа 1991 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
доктор филологических наук

 Н.Г. Озерова

ЛНБ ім. В. Стефаника
АН УРСР

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕФЕРИРУЕМЫХ РАБОТ

В настоящем докладе излагаются основные положения написанных и опубликованных автором с 1962 по 1990 г. работ, освещающих проблемы структуры слова русского языка: аспекты и виды описания состава слова и словообразования, сопоставление структуры слова русского и украинского языков, словари, отражающие структуру слова /См. список работ/.

НАУЧНОЙ НОВИЗНОЙ в этих трудах, помимо предложенной концепции в целом, характеризуются следующие ее элементы.

1.0. **ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ** более последовательного, чем известно в литературе, разграничения в описании структуры слова морфемного состава слова /СС/ и словообразования /СО/.

2.0. **ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЕМА И СОДЕРЖАНИЯ** понятий "морфемика" и "словообразование".

2.1. Морфемика, связи ее с другими разделами науки о языке.

2.2. Словообразование, связи его с другими разделами науки о языке.

2.3. Слова со связанными корнями.

3.0. **ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ** более последовательного, чем известно в литературе, разграничения в описании структуры слова синхронного и диахронного аспектов.

3.1. Положение о степенях членимости слов.

3.2. Тезис о динамичности синхронного словообразования.

3.3. Понимание способов словообразования.

4.0. **ПОНИМАНИЕ ОСНОВНЫХ ЕДИНИЦ** Морфемики.

4.1. Оценка известных в литературе интерпретаций морфемы.

4.2. Толкование соотношения родового и видового понятий морфемы и понятия морфов.

4.3. Установление общих и дифференциальных признаков морфем.

4.4. Определение условий существования и выделения морфем.

4.5. Концепция корня слова.

4.6. Толкование грамматической основы слова.

4.7. Концепция гнезда слов. Семантико-орфонологическое гнездо слов /СМГ/.

5.0. **ПОНИМАНИЕ ОСНОВНЫХ ЕДИНИЦ** Словообразования.

5.1. Обоснование выделения словопроизводной пары однокоренных слов.

5.2. Интерпретация классификации слов в плане словообразования

5.2.1. Разграничение понятий "непроизводное - производное"

и "производящее - производное" слово.

5.2.2. Толкование понятия "окказиональные слова".

5.2.3. Интерпретация понятия "потенциальные слова".

5.2.4. Разработка таблицы "Классы слов в плане словообразования".

5.3. Доказательство неправомерности замены в словообразовании понятия производности понятием мотивации.

5.4. Доказательство неправомерности термина "мотивирующая основа".

5.5. Определение места слов со связанными корнями в словообразовании.

5.6. Концепция лексической основы слова.

5.7. Понимание словообразовательного типа /СТ/, разряда, категории, класса.

5.8. Интерпретация словообразовательного значения /СВ/.

5.9. Определение места внутренней формы слова /ВФС/ в словообразовании.

5.10. Концепция словообразовательной парадигмы /СП/.

5.11. Понимание словообразовательного гнезда /СГ/ слов.

6.0. ПОНИМАНИЕ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТРУКТУРЫ СЛОВА.

6.1. Подтверждение правомерности разграничения в словообразовании синхронно-этимологического и диахронно-этимологического видов анализа.

6.2. Понимание этимологического гнезда /ЭГ/ слов.

7.0. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТРУКТУРЫ СЛОВА РУССКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ.

7.1. Общие и специфические особенности на уровне состава слова.

7.2. Общие и специфические особенности на уровне словообразования.

7.3. Интерпретация украинско-русской интерференции в структуре слова.

8.0. РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ СЛОВАРЕЙ, ОТРАЖАЮЩИХ СТРУКТУРУ СЛОВА.

8.1. Разработка словаря служебных морфем русского языка /в сопоставлении с украинским/.

8.1.1. Состав поясняемых морфем.

8.1.2. Структура словаря.

8.1.3. Содержание и построение статей в словаре.

8.1.4. Назначение словаря.

8.2. Разработка этимологического словаря русского языка.

8.2.1. Состав словника.

8.2.2. Структура словаря.

8.2.3. Содержание и построение статей в словаре.

8.2.4. Назначение словаря.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ. Внутренняя организация /структура/ слова относится к самым характерным особенностям русского, а равно и украинского, языка. В строении слова фокусируются связи между всеми сторонами языка, ибо слово представляет собой единицу всех его уровней. В строении слова, кроме общих, проявляются и специфические особенности русского и украинского языков. Многослойность и многогранность структуры слова, большое теоретическое и практическое значение ее описания обусловили то, что существует огромная литература по морфемике, словообразованию и этимологии. Вместе с тем в этой области имеется еще много неясного, спорного. В уточнении и конкретизации нуждается целый ряд понятий и терминов, связанных со структурой слова, в усилении внимания – семантическая сторона СС и СО, что вызывается все более укрепляющимся в лингвистике функциональным подходом к исследованиям, а также тем, что семантическая грамматика ставит задачи понимания, следовательно, она дидактически целесообразна.

В настоящее время самоочевидной является необходимость сопоставительного изучения русского и других национальных языков народов нашей страны. Сравнительно-историческое, сопоставительно-типологическое и интерферологическое изучение языков имеет как общенаучное, так и учебно-практическое значение. Сопоставление близкородственных русского и украинского языков требует scrupulous учета случаев генетически обусловленного сходства /что важно для транспозиции знаний по родному языку/, а также частично сходных и вовсе несходных явлений /что важно для предупреждения и устранения межъязыковой интерференции/. Структура слова русского языка в сопоставлении с украинским изучена недостаточно.

В дальнейшем развитии нуждаются лексикографические разработки, в которых отражается структура слова и разнообразные связи между однокоренными словами, прежде всего в учебных целях, поскольку существует необходимость повысить роль словарей в обучении языку.

Углубление лингвистических сведений о СС и СО, разработка разного рода пособий и словарей в этой области важны для совершенствования преподавания языка в школе и в вузе, для практики перевода, для повышения уровня культуры нашего народа.

Всем вышеизложенным определяется актуальность проблемы, освещаемой в работах автора.

ЦЕЛЬ нашего исследования – теоретическая и практическая разработка вопросов структуры слова русского языка /в сопоставлении с украинским/; изучение структурно-смысловой и функциональной сторон СС и СО, создание новых типов словарей, отражающих структуру слова.

Для достижения указанной цели надо было решить следующие задачи.

1. Обобщить, по-новому осмыслить и привести в систему то, что уже сделано в науке о языке в области СС и СО; сделать попытку решить спорные вопросы. Более последовательно, чем это отражено в литературе, разграничить морфемiku, словообразование и этимологию. Раскрыть многослойность и многогранность структуры слова, многофункциональность одних и тех же линейных отрезков как значимых частей слова.

2. Изучить состав слова и словообразование в русском и украинском языках в сопоставительном плане.

3. Подготовить ряд пособий и справочников по морфемике, словообразованию и этимологии.

ПРЕДМЕТОМ НАШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ является морфемная и словообразовательная /в том числе этимологическая как словообразовательно-историческая/ структура слова русского и украинского языков /семантика, формы выражения, функционирование, отражение в словарях/.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ. В работах использованы: все виды лингвистических словарей, выборки из произведений художественной и научной литературы, из газет и журналов; ответы опрашиваемых на анкеты, блокнотные и магнитофонные записи устной русской и украинской речи информантов; учтен также личный опыт педагогической работы диссертанта в вузе.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Методологической основой нашего исследования являются положения марксистско-ленинской философии, в соответствии с которыми учитываются всесторонние связи и отношения предмета исследования, взятого в его синхронном состоянии и в историческом развитии.

Сложность и многогранность предмета исследования, а также выделенные в работах аспекты описания и подходы к его изучению определили необходимость использовать: метод наблюдения, метод сравнительно-исторический, сопоставительный, трансформационный, описательный, метод анкетного опроса и др. Отбор и применение методов обусловлены общей установкой и стремлением автора обеспечить точность

и объективность результатов исследования.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАБОТ. Результаты исследования важны для решения таких вопросов теоретического языкознания, как межуровневое взаимодействие единиц языка, связь языка и мышления, содержания и формы выражения, многофункциональность линейных значимых отрезков речи, выявление взаимоотношений между лексикой, грамматикой и словообразованием, межязыковые контакты, социология, лексикография, в частности – морфемография и дериватография. Могут быть использованы при создании функциональной и сопоставительной грамматики русского и украинского языков, а также в практике перевода. Они важны для преподавания русского и украинского языков в вузе и в школе. К ним можно обращаться при изучении лексикологии, морфемике, словообразования, орфографии, морфологии, диалектологии, исторической грамматики, введения в языкознание, лексикографии. Они помогут усилить внимание к содержательной стороне слова, к материально-семантическим связям между словами. Будут содействовать углублению научного уровня преподавания, развитию лингвистической лексикознательности, интереса к языку, а значит – повышению речевой культуры народа.

АПРОБАЦИЯ РАБОТ. Основные положения работ регулярно докладывались и обсуждались на научных конференциях в Донецком государственном университете, периодически также на Всесоюзных научных конференциях: Бельцы /1976/, Донецк-Киев /1977/, на республиканских научных конференциях: Одесса /1976/, Ивано-Франковск /1978/, Кировоград /1985/, Винница /1988/, Донецк /1990/, на пленумах проблемного совета Института языковедения им. А.А.Потебни АН УССР /Киев, Симферополь, Кировоград, Винница/. Материалы и результаты исследования находят применение в преподавании вузовских курсов русского и украинского языков, в написании студентами курсовых и дипломных сочинений, в школьном обучении русскому и украинскому языкам, в написании /в соавторстве с диссертантом/ учебников и учебных пособий по русскому языку для средней школы.

Различные аспекты проблемы отражены в 109 публикациях, среди которых 1 книга, 2 главы в коллективных монографиях, соответствующие разделы в 5 пособиях для учителей, 3 словаря, 26 статей, тезисов и рецензий, свыше 60 учебников для средней школы /в соавторстве/. Указанные публикации получили положительную оценку специалистов.

СОДЕРЖАНИЕ РЕФЕРИРУЕМЫХ РАБОТ

И.О. Существует мнение, что после выхода в свет "Граматики современного русского литературного языка" /Гр.-70/ и "Русской грамматики" /РГ-80/ в вопросе об обособлении морфемики от словообразования все стало ясно, поскольку они даны в разных разделах. В действительности же ясной стала лишь необходимость их разделения.

Приходится констатировать, что в названных грамматиках, как и в иной лингвистической литературе, морфемный и словообразовательный аспекты рассмотрения структуры слова разграничиваются недостаточно последовательно и не всегда верно. Преобладает рассмотрение СО через призму морфемики /сказывается, вероятно, традиция включения СО в морфологию/, хотя отмечается также стремление целиком подчинить морфемику СО.

МОРФЕМНЫМ ПОДХОДОМ к СО обуславливается следующее: 1) понятие производности ориентировано преимущественно на морфемный состав слова /см. определение мотивированности в указанных грамматиках/; 2) утверждается, что значение производного слова определяется значением составляющих его морфем /Е.А.Земская/, в то время как значение его вытекает из непосредственно составляющих /НС/ - производящей основы и форманта; 3) по наличию в слове служебных морфем /но не по их функции/ делается заключение о разновидностях способов его образования. Так, в РГ-80 слова типа заречье причисляются к словам, образованным префиксально-суффиксальным способом, между тем как они соотносятся с производящими предложно-падежными словоформами /за рекой/; образование слова замух считается префиксальным способом с нулевым суффиксом, хотя в современном языке приставка за- из предлога за требует вин. п. муха, а не мух; к морфологическому способу относится образование слов типа обок, хотя это - сращение предлога о с формой вин. п. существительного бок; членимые на морфемы слова, утратившие связь со своими производящими, ставятся в мнимую словообразовательную связь с однокоренными словами: впроголодь - голод; 4) во многих работах по СО неморфемные способы образования слов вовсе не рассматриваются. При определении СЗ учитывается лишь морфологический способ. Причем утверждается, что СЗ выражается деривационным аффиксом /М.С.Улуханов/. Вне внимания остается производящая основа как второй из двух обязательных компонентов /НС/ производного слова, участвующий и в выражении СЗ; суффиксу необоснованно приписывается самодовлеющее значение.

РАССМОТРЕНИЕ МОРФЕМНОГО СС ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СО проявляется в том,

что, во-первых, понятие о производной и непроизводной основах /о производных и непроизводных словах/ дается в разделе "Состав слова" /Б.Н.Головин/, хотя оно уместно в разделе "Словообразование". К тому же производным считается не только слово, в современном языке соотносительное с производящим, но и всякое членимое на морфемы слово: боч-н-а, вой-н-а /З.А.Потиха/. Во-вторых, при анализе, называемом словообразовательным, сопоставляются не только два однокоренных слова /производящее - производное/, но и более: конь - конина и тут же добавить - прибавить - убавить /Г.О.Винокур/. В-третьих, деривационными /в плане синхронии/ называются аффиксы и в тех словах /или позициях в слове/, в которых их словообразовательная функция не выявляется. Так, говорится, что особенно четко выделяются деривационные аффиксы противоположных значений: обуть - разуть /Е.А.Земская/, хотя в подобных примерах деривационная функция аффикса не выявляется, поскольку нет производящего; это противопоставление аффиксов на морфемном уровне. В-четвертых, в разделе "Словообразование" рассматривается вопрос о степенях членности слова /М.В.Панов/, между тем как это вопрос морфемики и этимологии.

Сказанное, полагаем, убедительно свидетельствует о том, что в литературе наблюдается недостаточно четкая расчлененность морфемики и СО, хотя расчлененность этих разделов необходима, поскольку они представляют собой разные аспекты в описании структуры слова. Эти аспекты очень близки друг другу, но все же не совпадают. Близость их проявляется в том, что при СО могут выделяться составные части слова, внешне сходные с морфемами /на первой ступени производности/: руч-н-ые /часы/, где суффикс -н- является служебной морфемой членимого слова, а в СО - деривационным аффиксом; руч- в одном случае - корень, а в другом - производящая основа. Один и тот же линейный отрезок слова /словоформы/ в зависимости от того, в каких системных связях это слово рассматривается, выполняет различные функции. Полифункциональность линейных значимых отрезков слова наблюдается довольно часто.

Важно учитывать еще и то, что далеко не во всех случаях легко обнаруживается у морфем их функции как грамматические, так и деривационные. Подобно тому, как в фонологии для противопоставления фонем различают позицию максимальной дифференциации и позицию нейтрализации, в описании структуры слова тоже есть основания говорить о сильных и слабых позициях для выявления той или иной функции его значимых линейных отрезков. Так, в словоформе читал-л

суффикс -л- находится в функционально сильной позиции, указывает на значение прошедшего времени глагола. Но в форме читал-л бы эта функция нейтрализуется /слабая позиция/: суффикс -л- есть, но он не выражает значения прошедшего времени, поскольку сослагательному наклонению категория времени не присуща. Особенно часто в позиции нейтрализации оказываются деривационные аффиксы. При традиционном подходе к выделению морфем, авторы, греша формализмом, не замечают этого. Между тем именно формальный подход к структуре слова вызывает трудности в анализе слова и, главное, не обеспечивает адекватного восприятия структуры слова, соотношения в языке между формой и содержанием теми, кто изучает язык.

Полифункциональность линейных значимых отрезков слова и наличие в слове не только сильных, но и слабых позиций для выявления функций этих отрезков подчеркивает важность разграничения в описании структуры слова аспектов - морфемного и словообразовательного. Оно позволяет вскрыть особенности каждой из ее сторон, чтобы, познав частности, более глубоко раскрыть взаимосвязи этих сторон и диалектическое единство формы и содержания в слове как целостной единице языка.

2.0. Из сказанного вытекает необходимость определить объем и содержание понятий "морфемика" и "словообразование".

2.1. Изучая значимые части слова - морфемы /морфы/ и грамматическую основу слова, **МОРФЕМИКА** имеет отношение к многим другим разделам науки о языке. Прежде всего - к морфологии, к парадигматической системе языка и его грамматическим категориям, а также к синтаксису - синтагматическим отношениям словоформ в словосочетаниях и предложениях; к орфографии - правилам передачи на письме слов и их значимых частей; к фонологии, поскольку жизнь фонем проявляется в морфемах; к лексике, так как лексическое /индивидуальное смысловое/ значение членимых на морфемы слов в большинстве своем вытекает из значения составляющих их морфем, хотя и не равно сумме значений этих морфем; к стилистике, учитывающей вариативные формы слов, отбор и способы организации словоформ в речи /в текстах/ определенного назначения, когда принимается во внимание содержание, цель и ситуация высказывания. Морфемика тесно связана с СО: основным способом СО в русском /и украинском/ языке является морфологический, при котором новые слова представляют собой новые комбинации уже известных в языке основ /корней/ и словообразовательных аффиксов.

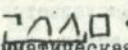
У морфемики отношение к СО своеобразное. Дело в том, что морфема

- это значимая единица прежде всего уровня морфологии и частично - уровня СО /И.И.Ковалик/. Добавим, что морфема относится к СО не только частично, но, главное, - опосредованно. Частично потому, что при создании производного слова морфемы /и грамматическая основа/ используются в качестве строительного материала, часто - в составе словообразовательных блоков. Основным же предметом изучения в СО являются производные слова, их типы, а также возможности создания производных слов соответствующих типов как из данного строительного материала /при морфологических способах/, так и из другого материала /при неморфологических способах/. Морфемы относятся к СО опосредованно. Это значит, что в словообразовательной структуре производного слова морфемы /как и грамматическая основа/ воспринимаются не сами по себе, а в их словообразовательных функциях. В производном слове, образованном морфологическим способом, различаются две функциональные /деривационные/ позиции для его НС - позиция производящей основы (1) и позиция форманта (2): город=(1)+ск-ой(2). Через призму этих двух позиций воспринимается и осмысливается словообразовательная функция морфем и грамматической основы слова. Поэтому есть основания различать морфемный состав и словообразовательную структуру производного слова, основу грамматическую и лексическую, говорить о словообразовательных свойствах морфем.

2.2. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ со своей стороны связано с морфемикой. Оно открывает возможности проводить разбор слова по составу на научной основе, когда учитывается последовательность "вхождения" морфем в слово, их сильные и слабые позиции, различаются приставки и предлоги-приставки, биморфемы в отличие от приставки и суффикса, аффиксоиды в отличие от корней и радикалоидов.

СО связано 1) с фонологией, поскольку в линейном звуковом потоке НС производного слова подвергаются разного рода фонологическим изменениям; 2) с лексикой, так как производные слова образуются на базе имеющихся в языке слов и в свою очередь обогащают лексический состав языка; 3) с номинацией: производные слова создаются для наименования новых предметов, понятий, для более короткого наименования известного понятия, имеющего в языке развернутое обозначение, для выражения оценочного отношения к известному предмету, для образного обозначения предмета, явления. Именно в СО ярко обнаруживаются закономерности номинации /см.5.1./4)СО связано с морфологией тем, что все новые слова подводятся под определенные части речи и соответственно грамматически оформляются;5)с синтаксисом: словосочетания и

предложения служат базой для создания производного слова. К тому же СВ производного слова выявляется с помощью двучленной синтагмы /храбрец - тот, кто храбр(5)со стилистикой: стилевая отнесенность и стилистическая окраска производного слова, как правило, привносятся в него словособразовательными аффиксами; в практической стилистике уделяется внимание также уместному и обусловленному употреблению производных слов.

Итак, в самом языке СС и СО тесно слиты. Но в теоретическом описании их имеются основания для последовательного разграничения разделов "Морфемика" и "Словообразование", у каждого из которых свои цели и задачи исследования; соответственно - свои наборы научных понятий и терминов, разные виды анализа структуры слова. Так, морфемному анализу подвергаются все без исключения слова, членимые на морфемы. При этом виде анализа предусматривается вычленение всех живых морфем и грамматической основы слова, учитывая их повторяемость и ассоциации по сходству и противопоставленности. Выясняется, из чего состоит слово, как расположены его значимые части в линейном ряду: . Конечные единицы этого анализа - морфемы /морф-ы/ и грамматическая основа.

При словособразовательном же анализе интересуются теми морфемами и их комбинациями, которые обнаруживают деривационную функцию в производном слове, выясняют, как образовано или может быть образовано производное слово. Конечные единицы этого анализа: а) в самой структуре производного слова, образованного морфологическим способом, - производящая основа (1) и формант(2) как НС производное слово, устанавливается перспективная зависимость морфем в СС /по формуле Г.О.Винокура/, выделяются в слове две основы - производящая и производная: лес, и ой; б) за пределами производного слова /при любом способе СО/ рассматривается словопроизводная пара: подбирается для данного производного слова его производящее слово или базовое сочетание слов, устанавливаются тип СО, родственные отношения между однокоренными словами: словособразовательные пары, цепи, парадигмы, гнезда. Словообразовательному анализу можно подвергать лишь те слова, для которых в современном языке находятся их производящие, т.е. производные в плане синхронии. Слова, которые члениятся на морфемы, но не образуют словопроизводных пар производящее → производное /на-деть - раздеть/, словособразовательному анализу не подлежат. Следует учитывать также, что при установлении словопроизводной пары возможно не одно, а несколько допустимых решений. Напр., на-учиться

/учиться/, научить-ся /научить/, на-учить-ся /учить/.

2.3. Связанные основы /Г.О.Винокур/, точнее - основы со связанным корнем /Г.Павский/, отмечаются в значительном количестве исконных слов и очень часты в заимствованных словах. По традиции их называют производными. Между тем производность /вторичность/ многих из них в настоящее время уже не подтверждается производящими словами: привыкнуть - отвыкнуть. С другой стороны, существует немало слов со связанным корнем, обнаруживающих словообразовательные связи /вежливый → вежливость/.

Когда все без исключения слова со связанными корнями включаются в словообразовательный анализ /Г.О.Винокур/, возникает двойственность предмета этого анализа, противоречивость установок к проведению анализа. Ср. конина ← конь и воин-война-войско-воевать /Г.О.Винокур/. Первый пример отвечает требованиям бинарного сопоставления однокоренных слов в СО. Включение же в сопоставление более двух однокоренных слов им не соответствует. Здесь, во-первых, нарушается принцип дихотомии производящее → производное, во-вторых, без сопоставления с производящим /базовым/ словом невозможно определить производящую основу и словообразовательное средство, а значит и способ образования; в-третьих, при сопоставлении более двух слов со связанным корнем и одинаковым количеством аффиксов невозможно применить принцип формально-семантической выводимости производного от производящего; в-четвертых, при этом не учитывается, что одни из слов со связанными корнями не имеют, а другие имеют свои производящие.

Чтобы устранить двойственность объекта словообразовательного анализа в плане синхронии и вместе с тем удержать эти разнородные группы слов в единстве, было введено понятие "соотношения, оба члена которого представляют собой производные основы" /Г.О.Винокур/, понятие "словообразовательной соотносительности". Здесь наметилось расхождение понятий "образование слова" и его "словообразовательная соотносительность с другими словами в системе языка" - "отношения мотивации" /ГГ-80/. См. 5.5.

3.0. В языке, как известно, синхрония перекрещивается с диахронией, так что адекватное описание слова как определенного структурного целого в системе современного языка требует привлечения к синхронному СО и морфемике диахронических данных. В познавательных /учебных/ целях желательно именно комплексное синхронно-диахроническое рассмотрение структуры слова, когда освещаются исторические

изменения в морфемном СО, применяется синхронно-этимологический анализ словообразовательной структуры слова /Н.М.Шанский/. В то же время вполне закономерно освещение структуры слова на каком-либо одном хронологическом срезе. Идею разграничения в описании единиц синхронии и диахронии /И.А.Бодуэн де Куртене, Ф.Ф.Фортунатов, Ф. де Соосюр/ разделяют многие лингвисты. Применительно к описанию структуры слова, однако, осуществляют ее по-разному, нередко, с нашей точки зрения, неверно.

3.1. В области морфемики непропорциональным в этом плане представляется установление в современном языке 6 степеней членности слов /М.В.Панов/: 1) легчик, 2) пастух, 3) стеклярус, 4) буженина, 5) малина, 6) кочегар. Здесь наблюдается смешение синхронии и диахронии. 6-ой пример, как видим, бесспорно относится к этимологии. 4-й и 5-й основываются на признании уникальных корней, хотя доказано /Г.О.Винокур, Н.М.Шанский/, что уникальные корни невозможны. Значение у корня гнездовое. Для вычленения корня необходимо иметь по крайней мере еще одно слово с тем же корнем, свободным или связанным. Аффиксом же, в частности суффиксом, могут быть уникальными. Если снять возможную этимологическую рефлексацию на слово, то надо признать, что о степенях членности речь может идти в морфемике, а не в СО, что степень членности зависит от качества корня /свободный он или связанный/ и качества аффикса /регулярный он или нерегулярный/. При этом реально различными окажутся не 6, а 3 степени членности: 1) ряд слов со свободным корнем /вертикальный ряд/ и ряд слов с регулярным аффиксом /горизонтальный ряд/; 2) ряд слов со связанным корнем и ряд слов с регулярным аффиксом; 3) ряд слов со свободным корнем, но нет аффиксального ряда, т.к. слово содержит уникальный, или нерегулярный аффикс. Правильность членения слова на морфемы проверяется ссылкой на его образование.

3.2. В СО известен опыт синхронного описания производных слов, представленный в Гр.-70 и РГ-80 /В.В.Лопатин, И.С.Улукханов/. Этот опыт, а также многочисленные работы других авторов свидетельствуют о том, что не все здесь является внутренне оправданным. Прежде всего возникает вопрос: правомерно ли вообще применительно к понятию синхронии /отношений сосуществующих единиц/ и диахронии /причинно-следственных отношений/, процесса превращения одних единиц в другие/ СО отождествлять с другими уровнями языка? С одной стороны, в СО имеют место факты, когда отношения единиц не отражают их происхождения, представления о словообразовательных связях между однокорен-

ными словами могут меняться. Ср.: современное делать → дело, исторически деть → дело → делать. Здесь синхронное СО, подобно другим уровням языка, не принимает во внимание хронологически прежнего состояния единиц. Однако, с другой стороны, нельзя не учитывать того, что при синхронном рассмотрении СО интересуются не только тем, "как образуются слова", но и тем, "как сделаны слова"/Л.В.Щерба/, т.е. с помощью какого средства, каким способом и на базе чего они созданы. А это предполагает обязательное установление между однокоренными словами отношений предшествующее → последующее /первичное → вторичное, или производящее → производное/, т.е. отношений выводимости. Такие отношения между однокоренными словами являются реальной категорией синхронного среза языка. Производящее слово, породив производное, как правило, не исчезает из языка, а существует параллельно с ним /благодаря чему и обогащается лексика/, и родственная иерархия слов, выводимость одного слова из другого ощущается говорящими. И чем бы ни заменяли в СО традиционные термины "производящее", "производное", суть дела не меняется: СО динамично. Словообразовательными являются отношения в словопроизводных парах между однокоренными словами, одно из которых воспринимается как производящее /предшествующее/, а второе – как производное /последующее/. Особенно четко это проявляется при морфологическом способе образования, когда производящее слово частью своей семантики и некоторой материальной частью /производящей основой/ "входит" в производное, а вторичное слово в определенной части своей семантики /ВФГ/ и в определенной материальной части /производящей основе/ дублирует производящее, что подчеркивает динамичность СО. В этом состоит в плане синхронии отличие СО от других уровней языка.

Как уже сказано, при описании синхронного СО /в статике/ отношения выводимости заменяются отношениями соотносительности. При этом освещается по существу не столько СО, сколько построение, состав производных слов. Ясно, что выделяются не только непосредственные, но и опосредованные связи между однокоренными словами, игнорируются неморфологические способы образования, нередко вычленяются, обычно по принципу остатка, мнимые аффиксы, нарушается принцип постепенного /бинарного/ накопления аффиксов в производном слове. Много таких случаев в РГ-80. Напр., наречия с префиксом не-в- и нулевым суффиксом, мотивированные глаголом: невпроворот. Это наречие ставится в связь с провернуть "осуществить, сделать быстро". Значение наречия не вытекает из этого соотношения. Невпроворот значит "очень много,

в избытки". Словообразовательная связь этого наречия затемнена. Оно возникло в результате сращения, аналогично наречию невпопад при еще существующем впопад "уместно". В родословной наречия невпроворот был глагол проворотить, но не в переносном его значении "осуществить, сделать быстро", а в прямом значении "промести мешалкой". Ср. у Даля: застыла известка, не проворотишь. Чем больше вещества, тем труднее его промести. Отсюда невпроворот - "очень много". Предполагается родословная: ворот → воротить → проворотить → /утраченные звенья: проворот, в проворот/ → впроворот → невпроворот.

Возможно, для каких-то целей и важен такой подход к производным словам, когда в их составе вычлениются не только реальные, но и мнимые форманты. См.: в= -- =ку /вдогонку/; из= -- =и /издали/, по= -- =у /поверху/ и т.п. /ГГ-80/, однако его нельзя отождествлять с СО и заменять им рассмотрение СО как процесса выводимости производного из производящего, одинаково характерного как для диахронии, так и для синхронии.

3.3. Синхронный /статический/ подход к СО обусловил то, что СПОСОБОМ СО признается классификационная единица, объединяющая ряд типов с одним и тем же видом форманта /Русский язык. Энциклопедия/. Соответственно из способов СО "признаются" лишь разновидности морфологического способа, аббревиация и субстантивация /ГГ-80/. Между тем при синхронном динамическом подходе способом СО называются те "действия", которые осуществляет язык, производя новые слова /Б.Н. Головин/. К этим "действиям" относятся: 1) присоединение к производящей основе /слово/ аффикса, 2) соединение двух или /реже/ более основ /полных либо убоженных/ в одну, 3) перевод слова /или отдельной словоформы/ из одной части речи в другую, 4) отрыв /отпочкование/ одного из значений слова от остальных /распад полисемии/, 5) отбрасывание окончания /или суффикса/ и одновременное смягчение согласного основы, смена парадигмы /безаффиксный, или бессуффиксный способ/, 6) замена одних флексий другими /флективный способ/, 7) сокращение /укорочение/ производящего слова /аббревиация/, 8) слияние двух лексем /словоформ/ в одну /сращение/.

Существует мнение, что понятие "способ СО" в синхронном и диахроническом планах рассмотрения имеют разное содержание /Е.А. Земская/. Соответственно способы СО распределяются по хронологическим признакам: морфологический способ и субстантивация - синхронное СО, а остальные способы - диахроническое СО.

Не вызывает сомнений тот факт, что при морфологическом СО производное слово создается как новая материально-семантическая единица. Но при других способах ведь тоже совершается "действие". Кто-то когда-то употребил слово в ином, чем у него было прежде, значении /иной функции/, и это употребление стало повторяться /воспроизводиться/ в речи других. Так было в свое время с прилагательными типа мостовая и с переносным употреблением слова журавль - "рычаг у колодца". Длительным является не сам акт создания слова, а факт закрепления его в языке в качестве производного. Если учитывать, что создание слова - это "действие" /мгновенный ненаблюдаемый акт/, после которого в дальнейшем слово уже воспроизводится, то надо признать, что не только морфологический, но и другие способы СО дают производные в современном языке, как и давали их в прошлом, в различные исторические периоды. Ср. давнишнее лунатик и новое лунник /морфологический способ/, старое мир и новое спутник "летательный аппарат" /лексико-семантический способ/, старое вдова и новые проходная, командировочные /субстантивация прилагательных/.

Следовательно, сущность самих способов СО в обоих планах - синхронии и диахронии - остается одной и той же. Отличие же в указанных двух планах наблюдается в восприятии производных слов - продукта СО. Как уже говорилось, в плане синхронии словообразовательному анализу подлежат те производные, которые в сознании носителей языка соотносятся с соответствующими производящими, возможно, иными, чем исторически было в действительности. См.: раньше было соотношение муж → мужской, а в настоящее время - мужчина → мужской, но прилагательное мужской все равно является производным, поскольку имеет в словопроизводной паре свой противочлен. В плане синхронии может отражаться не только одна ступень производности, но все те из них, какие осознаются носителями языка и могут быть доказаны в современном языке. На этом основании определяется деривационная история /П.А.Соболева/ производного слова в пределах современного языка, проводится синхронно-этимологический анализ таких слов /Н.М.Шанский/: горняцкий (поселок) ← горняк /рабочий горных выработок/ ← горный ← гора. За пределами современного языка изучается этимология слова, уходящая в глубины истории.

Одни и те же способы СО сохраняются /действуют/ на протяжении тысячелетий. Различной бывает лишь их активность в те или иные периоды истории. В настоящее время активны способ сложения усеченных основ /ИИТ - "искусственное жидкое топливо"/ и способ "чистого сокращения" /примитив, рация/.

4.0. В уточнении и конкретизации нуждается ряд основных понятий и терминов морфемики.

4.1. МОРФЕМА традиционно определяется как минимальная значимая часть слова /И.А.Бодуэн де Куртене/. Мыслится, что она является двусторонней единицей /имеет значение и форму выражения/ и функционирует лишь в СС. известно также употребление термина "морфема" для обозначения линейного речевого фонетического /без ориентации на слово/ отрезка, который встречается в одном и том же окружении и соотносится с определенным содержанием /Л. Блумфильд/. Здесь морфема - односторонняя /звуковая/ единица, которая соотносится с определенным значением - семемой.

Отступление от того, что морфема - часть слова, функционирующая в его составе, привело к утверждению понятия "одноморфемное слово" /А.А.Реформатский/ и определению морфемы как "значимой единицы языка", безотносительно к рамкам слова /Ю.С.Маслов/. Имеются в литературе случаи, когда морфема определяется как "значимая часть слова, необходимая и достаточная для выражения данного значения" /Е.А.Земская/, где морфема представлена как односторонняя единица, но названа "значимой частью слова", т.е. двусторонней единицей. Выделение одноморфемных слов объясняется тем, что иначе за пределами морфемики окажется громадная часть языкового материала /Ю.С.Маслов/.

Бодуэновское определение морфемы, по-нашему, в большей мере, чем другие, отвечает требованиям объяснительного описания структуры слова. Идет от содержания к форме, учитывает ведущую роль содержания: именно значением определяются системообразующие свойства и морфемы, и слова /В.М.Солдцев/. Бодуэновское определение отвечает требованиям системности: морфема - единица более низкого уровня, чем слово. Морфема и слово находятся друг с другом в иерархической зависимости: слово состоит из морфем, морфемы входят в состав слова. Слово и морфема предполагают друг друга. Морфемы функционируют лишь в составе слова. Бодуэновское определение морфемы само собой исключает понятие одноморфемного слова. Если морфема - часть слова, то в слове их должно быть минимум две. Не все слова русского языка членились на морфемы. Слова бывают разложимые и неразложимые /Г.О.Винокур/, членимые и нечленимые, или неморфемные /В.М.Солдцев/. Морфемика изучает членимые слова, опуская нечленимые, которые найдут свое описание в морфологии, призванной охватывать все классы слов, раскрывать грамматические категории слов - их грамматические значения и формы /средства/ выражения.

4.2. Будучи нелинейной, обобщенной единицей /абстракцией на уровне языка/, морфема, как известно, в речи /в конкретных словах, словоформах/ проявляется в МОРФАХ. Поэтому о морфах обычно говорится как о формальном видоизменении морфемы: "морф - одна из формальных разновидностей /видоизменений/ морфемы" /Русский язык. Энциклопедия/. Не отмечается, какая степень обобщенности морфемы имеется в виду. Нельзя же, учитывая известное высказывание И.А. Боуэна де Куртене, представить, что морфема - это "дерево", а морфы - "дуб, береза и т.д.". Важно отмечать, что существует родовое понятие морфемы и видовые ее понятия - корень, приставка, суффикс, окончание. Морфы варьируют видовые /а не родовое/ понятия морфемы.

Иерархическая зависимость единиц морфемного и морфного уровней

Единицы языка	М о р ф е м а	Родовое понятие /общее/
	Разряды морфем корень ————— аффиксы приставка суффикс окончание	Видовые понятия /особенное/
Единицы речи	М о р ф ы ↑ ↑ ↑ ↑ корневые · приста- · суф- · флектив- вочные фик- · ные саль- ные	/отдельное/ частные, индивидуальные понятия

Морфы - единицы плана выражения /Ч. Хоккет/. Варьирование морфемы в плане значения проявляется в ее полисемии и в стилистической окраске содержания. К одной и той же морфеме относятся все те морфы, которые, видоизменяясь в разных позициях, объединяются одинаковым для них или очень близким значением и соответствующей функцией. Амплитуда звукового варьирования морфемы /количество ее морфов/ определяется присущими данному языку морфонемами - рядами фонем, чередующихся в морфах одной и той же морфемы. Кроме морфонема, в варьировании морфем отмечаются и иные морфонологические явления: наращение звуков, усечение звуков и т.п. Причем эти изменения могут выступать как порознь, так и в совокупности.

Наличие морфем показывает, что морфемы /видовое понятие/ не являются величинами неизменными и неподвижными. Напротив, устойчивость их относительная. Каждая из видовых морфем — корень, приставка, суффикс, окончание — представляет собой определенное множество более или менее близких друг другу звучаний и значений, которые воспринимаются как подвижное целое.

4.3. Морфема — единица многогранная. Следовательно, может характеризоваться по многим признакам. В описании морфем /без указания на степень обобщения этого понятия/ обычно отмечаются их значение, роль, место в слове /Е.А.Земская/, кроме того, — воспроизводимость, регулярность, продуктивность /Н.М.Шанский/. Учитывая разграничение родового и видовых понятий морфем, по-нашему, закономерно в характеристике морфем различать общие и дифференциальные признаки. Первые ассоциируются с родовым понятием морфемы /в отличие от слова/. Вторые присущи отдельным видам морфем. Это их особые и индивидуальные признаки, которые выявляются в результате противопоставления друг другу видовых понятий морфемы на каком-то общем для них основании.

Общими для морфем являются признаки: минимальность /морфема не члениится на более мелкие единицы такого же порядка/, двусторонность, т.е. наличие значения /нередко — комплекса значений/ и звучания /или графического вида/, синтаксическая неавтономность /морфемы функционируют лишь в составе слова/, повторяемость, воспроизводимость.

Дифференциальные признаки видовых понятий /разрядов/ морфем представляют собой: I) значение /предметно-понятийное у корня, грамматическое у флексии, лексико-грамматическое у приставок и суффиксов/; 2) роль в слове /основная у корня, служебная у аффиксов/; 3) функция /корень объединяет слова гнезда общей идеей значения, у служебных морфем функция словоизменения, формообразования или словообразования/; 4) форма выражения морфем /материально выраженные и нулевые/; 5) позиция в слове; 6) степень обязательности морфемы в слове /обязательными являются корень и окончание у изменяемых слов, корень и суффикс у неизменяемых слов. Они образуют минимальную структуру слова. Приставка и суффикс — факультативные морфемы/; 7) степень спаянности морфем в слове /свободные и связанные/; 8) стиливая и стилистическая окраска морфем; 9) происхождение морфем /исконные и заимствованные/; 10) встречаемость, повторяемость морфем /регулярные, нерегулярные, уникальные/; 11) словообразовательная активность морфем /продуктивные, непродуктивные/; 12) валент-

ность морфем /ограничения в их сочетаемости/.

4.4. Все единицы языка как системы находятся между собой в смысловых и формальных связях. Система языка существует в мыслящем мозгу. Люди пользуются ею в соответствии с психологическими законами ассоциации, когда какое-то из представлений, появившись в сознании, вызывает по смежности, сходству или противопоставленности другие представления. Значимые части слова, как и слова, будучи единицами двусторонними, в нашем сознании тесно связываются по этим признакам друг с другом узлами ассоциации. Чтобы установить сходство или отличие предметов, явлений, как известно, производится сравнение — один из основных логических приемов познания. Ассоциация по сходству между повторяющимися элементами осуществляется при опоре на противопоставленные им другие /несходные/ элементы. Следовательно, повторяемость и соотносительность /сравнение, сходство, противопоставленность/ морфем /морфов/ являются условиями их существования, осмысления, а значит и выделяемости.

4.5. КОРЕНЬ СЛОВА можно рассматривать с разных точек зрения и в результате получать неодинаковое понятие о нем. Из известных в литературе точек зрения отметим следующие. А.А.Потебня корнем называл предыдущее слово по отношению к последующему. В настоящее время в таком значении термина "корень слова" уже нет необходимости, т.к. в науке существует понятие производящей основы. Корнем называют центральную морфему слова, обязательно присутствующую в каждом слове и заключающую в себе основной элемент лексического значения слова /В.В.Лопатин/. Этому определению недостает ориентации корня на гнездо слов. Подчеркивается обязательность корня в каждом слове. Полагают, что не существует слов без корня /Е.А.Земская/, т.е. корень воспринимается не только как часть слова /морфема/, но и все принадлеж- ное слово, хотя известно положение, что корень — это отвлечение, он заключает в себе некоторые указания на свойства настоящего слова, но никогда не может равняться этому последнему /А.А.Потебня/.

Важно, по-нашему, ставить корень в связь с гнездами слов и рассматривать его в плане синхронии и диахронии. Так, в плане синхронии /о диахронии см. 6.2./ с морфемной /морфологической/ точки зрения КОРЕНЬ — это общая для всех слов гнезда главная в их составе морфема, несущая в себе в высокой степени отвлеченности реально-вещественное значение, которое в качестве одной из семантических составляющих содержится в индивидуальных, лексических значениях всех однокоренных слов. Иначе говоря, корень — это главная значимая часть

данного слова и всех иных слов гнезда, объединенных с ним общей идеей в их лексических значениях. Это "вытяжка" из всего известного семейства слов /А.А.Потебня/, или морфема – носитель общего для всей семьи слов значения. Он группирует вокруг себя однокоренные слова. Является обязательной значимой частью членимых на морфемы слов. Что касается нечленимых слов, то об их корневом статусе говорить не приходится. Нечленимое слово может оказаться корнем /переход слова в морфему/, если оно даст совокупность /гнездо/ производных слов: ох → охать, охнуть, оханье.

При выявлении корня в семантико-морфонологическом гнезде слов /см. 4.7./ не принимаются во внимание никакие другие связи, кроме отношений семантической общности /по главной их семе/ и морфонологической близости. Как общее корень существует только в конкретном – в однокоренных словах, по семантике и звуковому облику своеобразно реализуясь в каждом из них /о других признаках корня см.4.3./.

В плане СО корень – материальный носитель наследственности /ген/. Удаленность производного слова от исходного корневого слова/или неморфемного слова/ определяет ступень его родства, что отражается в иерархии однокоренных слов в гнезде /см.5.II./.

В плане диахронии корень – это изначальное гипотетическое слово или главная его часть, унаследованная всеми словами, генетически восходящими к нему. О таких корнях можно только условно говорить, что с них началось создание языка, в действительности же ими только кончается наше знание строения языка /А.А.Потебня/.

4.6. ОСНОВА СЛОВА – это его часть /сегмент/. Она существует лишь в противопоставлении другой его части. Поэтому неправомерно считать основой /термин "чистая основа"/ всё целиком неизменяемое слово /Н.М.Шанский/. Вне противопоставления другой части слова реально основа не существует. В зависимости от того, с какими актами изменения слов связано их выделение и чему они противопоставляются /для чего служат опорой/, полагаем, следует различать основы грамматические и лексические /см. 5.6./.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОСНОВА служит опорой для грамматических частей слова. Это стержень, на который нанизываются окончания – показатели словоформ парадигмы. По функции это основы словоизменения /склонения имен, спряжения глаголов/, которые противопоставляются окончаниям, и основы формобразования, которые противопоставляются формообразующим аффиксам /вместе с окончанием, если слово изменяемое/: основа формы прошедшего времени глагола, основа причастия, деепричастия,

сравнительной степени прилагательных и т.п. Одна та же словоформа может выделять /содержать/ обе эти основы /читал, читя/. По морфемному составу грамматические основы бывают нечленимые и членимые. Первые можно называть еще корневыми, нераспространенными, основами с нераспространенным корнем. Вторые же - распространенными, основами с распространенным корнем, поскольку они, кроме корня, содержат приставку и /или/ суффикс.

Термины "непроизводная - производная" основа, как известно, используются в двух значениях - "нечленимая - членимая" на морфемы и "непроизводная" - не участвовавшая в СО, "производная" - вторичная, произведенная. Но членимость и производность надо различать /К.А. Левковская/, целесообразно отражать это и в терминах. Термины "производная - непроизводная" основа /слово/ уместно использовать в СО, оставляя для морфемии /морфологии/ термин "членимые - нечленимые" основы /слова/. Это позволит более рельефно, чем прежде, дифференцировать морфемистику и СО, терминологически отражать многофункциональность одного и того же линейного значимого отрезка слова, в данном случае - основы.

По протяженности грамматические основы бывают непрерывные и прерывистые, с расчлененным постфиксом /учащ ий ся /.

4.7. ГНЕЗДО однокоренных слов и СГ обычно одинаково называют гнездами родственных слов, а родственными - слова, содержащие один и тот же корень /замкнутый логический круг/. Указанные гнезда бесспорно близки: однокоренные слова накапливаются в гнездах в результате СО. Но, с другой стороны, они не тождественны. Не одинаковы их структура и объем. Гнездо однокоренных слов, которое основывается на семантической общности и морфонологической близости входящих в него слов, можно назвать СЕМАНТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИМ ГНЕЗДОМ /СМГ/.

Такое гнездо обычно бывает более широким по объему, чем СГ. В качестве ядра в него включаются слова СГ /без указания на их иерархическую зависимость по родству/. Кроме слов ядра, в СМГ входят однокоренные слова со связанным корнем, утратившие былые словообразовательные связи /привыкать - отвыкать/, слова со свободным корнем, но уникальными аффиксом /стеклярус/. На периферии СМГ в русском языке /план синхронии/ разместятся старославянские параллели к исконным словам /голова - глава/. Если срабатывает языковое чутье говорящего, то среди однокоренных могут оказаться слова, заимствованные из классических или европейских языков /око - очи - окуляры - бинокль/. Нельзя

не принимать во внимание слов с корнями, общими для близкородственных русского и украинского языков /дева, девушка - девчата /. Когда мы писали о СМГ /1975 г./, они еще не были предметом специального изучения.

5.0. Состав основных единиц описания СС и их понимание еще не отстоялись.

5.1. Понятие "словопроизводная пара слов" обязательно надо учитывать, поскольку СС имеет прямое отношение к номинации. При названии нового предмета, явления, процесса в них выделяются одни из признаков, который кладется в основу наименования, что подтверждается известной выпиской В.И.Ленина из книги Л.Фейербаха о философии Лейбница: "Что такое название? Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующий предмет, чтобы представить его себе в его тотальности" /ПФС, т.29, с.74/.

В основу наименования, как известно, можно положить только такой "бросающийся в глаза признак", который в языке уже назван, ибо всякое понятие осмысливается, лишь будучи закрепленным в слове /или выражении/. Следовательно, при создании нового слова не необходимости опираться на уже имеющиеся в языке слова - названия признаков, нужных /избранных/ для данной ситуации наименования. Поэтому у каждого нового слова по самой природе номинации предпологается /должен быть/ лексический предшественник - производящее слово или базовое сочетание слов. Выводимость одного слова из другого ощущается говорящими, она представляет собой "третье измерение в лексике" /Д.И.Шмелев/. Надо сказать, что те авторы, которые предлагают решительно отбросить принцип бинарности в СС /Н.И.Мигирина/, собственно, об этом лишь заявляют, фактически же от него не отходят, когда выстраивают однокоренные слова в словообразовательные цепи /СД/, словообразовательные гнезда /СР/. Словопроизводная пара однокоренных слов необходима также для выявления сущности производящей основы.

5.2. В плане СС выделяются различные классы слов, объем и значение этих классов объясняется по-разному.

5.2.1. Прежде всего это непроизводные и производные слова. В отличие от традиционного толкования непроизводного как нечленимого слова в СС непроизводным называется слово, ни от каких других слов не образованное /Д.В.Черба/. Ему противопоставляется слово производное, т.е. не обязательно членимое, но непременно вторичное, образованное от какого-то другого однокоренного слова.

Различие между ними проявляется по 4 признакам См.:

Непроизводное слово		1. Значение немотивированное	баня
		2. Не образует пары однокорен. слов	
		3. Содержит одну основу /граммат./	баня
		4. В составе основы нет аффикса	
Производное слово		1. Знач. мотивированное /тот, кто.../	банник
		2. Образует пару однокорен. слов	баня → банник
		3. Вычленяет две основы	бан_ ник
		4. В составе основы есть аффикс	=ник=

Данное противопоставление однокоренных слов отражает отношение их к акту СО: неучастие – участие в нем. Это постоянные признаки.

Среди слов, причастных к акту СО, различают пары слов – то, которое было в языке до этого акта и использовано в качестве производящего, и то, которое появилось в результате словообразовательного акта, – производное, или производённое. Эти классы слов отражают позиции однокоренных слов в акте СО /до, после/. Позиционные признаки у однокоренных слов относительные.

5.2.2. Термин "окказиональное слово" справедливо увязывает с лат. *occasio* "случай", но неточно – с франц. *occasionnel* "случайный" /Е.А.Земская/, откуда дальнейшее – "необичное слово", "слова – монстры". Полагаем, правдоподобно возводить его к лат. *occasio* "случай", но во франц. звучании *occasion* "случай". К основе окке-зион= уже на почве русского языка присоединен суффикс -альн- /как нормальный/. При таком толковании окказиональный значит не "случайный", а "связанный со случаем /ситуацией/ порождения слова". При этом понимании термина все новые слова – и народные, и индивидуально-авторские – в одинаковой мере являются окказиональными, поскольку порождаются "к случаю" – в определенной ситуации или в конкретном контексте. Соответственно окказиональные слова подразделяются на народные и индивидуально-авторские. Первые создаются по стандартным типам /ср. ветровка, кроссовки/. Среди вторых наблюдаются образования тоже по стандартным типам, но с индивидуальным /необычным/ материальным наполнением схемы /из резерва потенциальных слов/. Напр., Плечо шоколадят лучи /М.Львов/, где шоколадить, как пудрить. Возможны, конечно, и монстры. См. епископесса /А.Белый/, но и в них заложены языковые типы /ср. ствардесса/. Народные окказионализмы отрываются от ситуации порождения, не сохраняют авторства, с течением времени утрачивают оттенок новизны, становятся узувальни-

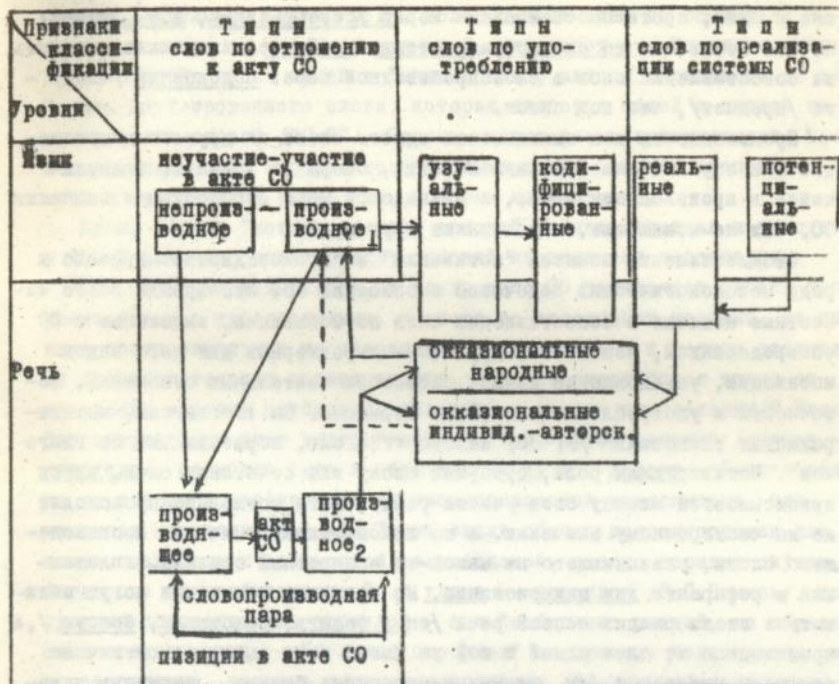
ми, возможно, и кодифицированными. Индивидуально-авторские же окказионализмы сохраняют авторство, поддерживают связь с контекстом /ситуацией/ порождения, сохраняют оттенок новизны, необычности, узуальными становятся редко.

В интерпретации ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ СЛОВ наблюдается две точки зрения: одни считают, что это слова, которых еще нет /Г.О.Винокур/, другие — что это слова, которые произведены, но еще не закреплены традицией словоупотребления или могут быть произведены по языковой модели высокой продуктивности /З.Ханпира/. Те слова, которые могут быть произведены по задаваемым языковой системой типам, бесспорно относятся к потенциальным. Что касается слов произведенных, но еще не закрепленных традицией словоупотребления, те это уже слова реальные. Они звучат в устной разговорной речи /разменник — "автомат для размена денег"/ или вводятся в письменный текст — газетный или текст новой художественной литературы /прокол — "нарушение, урон"/. Высокая продуктивность — не обязательный показатель реальности слова. Возможно ведь оживление, активизация малопродуктивного типа. Потенциальные слова, следовательно, — это слова, которые задает /программирует/ словообразовательная система языка, но которые еще не востребованы общественной практикой, поскольку не возникла в них надобность. Ср.: оказались нужными слова основить, удочерить, хотя возможны образования по этому типу от любого названия не родству или овойству, потенциальные слова: утетить, увятить и т.н.

Заметим также, что неверно утверждение, будто значение потенциальных слов целиком складывается из значений составляющих их морфем /Е.А.Земская/. В лексическом значении применительно к потенциальным словам вообще не должно быть речи. Оно присуще реальным словам. Потенциальные же слова, будучи лишь заданными системой С0, отражают семантику типа, т.е. ориентирует на СВ. См. таблицу на с.27.

5.3. МОТИВАЦИЯ /мотивированность/ в С0, как известно, значале ставилась в связь с производностью, считалась одним из признаков производности: значение слов с производной основой "всегда определяемо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы" /Г.О.Винокур/. Но затем, чтобы отграничить в С0 синхронно от диахронии, отказались от традиционных терминов "производящее", "производное" слово /основа/, поскольку значение их процессуально /Е.А.Земская/, и стали употреблять термины "мотивирующее", "мотивированное" слово /основа/, т.е. понятие словообразовательных связей заменили понятием мотивации /В.В.Лопатин, И.С.Улуканов/.

5.2.4. КЛАССЫ СЛОВ русского языка в плане СО

Стали различать мотивацию непосредственную – опосредованную, исходную – неисходную и т.п., в отношении мотивации ставить даже слова с связанным корнем, утратившие словообразовательные связи, и слова, которые параллельно заимствованы из других языков /оппонент – оппонировать /.

Вообще-то мотивация как обоснование связи между значением и формой его выражения может быть разной: фонетической, морфологической, семантической /С.Ульман/, а также морфемной, лексической и т.п. Она может устанавливаться как в СО, так и в морфемике, когда членимое на морфемы слово рассматривается изолированно или в связях слов СМГ. Вполне допустимо объяснение, что, скажем, слово подоконник определяется значением его составных частей: основы окон-, приставки под- и предметного суфф. -ник- /Е.А.Земская/. Оно доказывает, что значение членимого слова опирается на его значимые части. В составе

СМГ наблюдается мотивация корневая, взаимная, опосредованная и т.п. Кстати, корневая мотивация способствует слиянию нескольких аффиксов в один, противопоставленный корню /серебр-янк-а, мот-овотв-в/. Но это мотивация не словообразовательная. Последняя должна вытекать из сопоставления слов в словообразовательной паре: подоконник /что?/ - те /предмет/, что под окном.

Производность как выводимость одного слова из другого и мотивация как обусловленность наименования, опора на признак, содержащийся в производящем слове, в одинаковой мере необходимы в описании СО. Они не исключают, а дополняют друг друга.

Отождествление понятий "мотивация" и "производность" привело к ряду методологических недочетов в описании СО. Это прежде всего известные натяжки в сопоставлении слов по мотивации, выделение с СО опосредованной, взаимной и других не характерных для него видов мотивации, установление мнимых словообразовательных отношений, неточности в употреблении отдельных терминов. См.: "глаголы, мотивированные глаголами" /РГ-80/ вместо "глаголы, образованные от глаголов". Мотивирующая роль, присущая слову или сочетанию слов, здесь приписывается классу слов /части речи/, хотя мотивация происходит не по частеречному значению, а по лексическому значению производящего слова, указывающего на какой-то конкретный признак, выделенный в референте для наименования. По признаку мотивации могут сближаться слова разных частей речи /см.: белить, беловатый, белос /, а производные от слов одной и той же части речи выявлять различные признаки мотивации /см. стымненные глаголы: белить, вернуть, удвоить и т.п./ . Если мотивирующее слово многозначное, то мотивация устанавливается по какому-то из его значений. Напр.: землистый, земляной ← земля "почва"; земляк ← земля "место жительства"; земляне ← Земля "планета". Возможны случаи, когда производное слово допускает не одну, а несколько мотиваций. См.: лесник "сторож леса" ← лес; лесник "работник лесного хозяйства" ← лесной.

Замена понятия производности понятием мотивации, по-нашему, обеднила описание СО. Недостаточно раскрытым оказалось познавательное значение производных слов.

5.4. Г.О. Винокур вполне обоснованно ввел понятие и термин "мотивированное" для обозначения слов, значение которых "определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы". Позднее по аналогии с производящей основой и взамен ее был введен термин "мотивирующая основа" /Гр.-79/. Этот термин не может быть при-

знан удачным и адекватным прежнему – "производящая основа". Ведь основа – сегмент слова – мотивирующей роли играть не может. Что значит, например, основа мед-, можно судить лишь по семантике содержащих ее слов: мед-ний, мед-овый, мед-работник. Очевидно, когда снять с этой основы оттенок "активности", авторы определяют ее как "часть мотивированного слова, которая является общей с основой мотивирующего слова" /РГ-80/. Однако он все равно присутствует. Как показал наш опрос информантов, "мотивирующая основа" воспринимается в ее активной роли: "та, которая мотивирует".

Итак, термин "мотивированная основа" вполне оправдан и уместен в СО. Термин же "мотивирующая основа" не отвечает назначению.

5.5. Как уже говорилось, в синхронное СО включаются слова, соотносительные с производными, и слова со связанными корнями, не имеющие соотносительных производных. Применительно к первым различают последовательную производность, которая имеет "свою точку отправления и точку прибытия", движение в едином направлении /Ш.Балли/. Это направление чаще всего бывает прямым, слева направо /читать → читатель/, но может быть и обратным /дояр ← доярка/. Применительно ко вторым усматривается взаимонаправленная зависимость, или взаимная мотивация $A \leftrightarrow B$. Такая связь обычно констатируется как нечто очевидное и само собой разумеющееся, однако нередки случаи, когда она не срабатывает. Ср.: улица ↔ переулок /Г.С.Зенков/. Допустимо полагать, что переулок – это "небольшая улица", но обратное соотношение улица – "большой переулок" совершенно исключается как в референтном, так и в структурном планах. Это, по-нашему, свидетельствует о мнимости такой связи.

Какова же природа связи между словами со связанными корнями и одинаковым количеством аффиксов? Для выяснения ее проведем аналогию между ними и словами со свободными корнями. Ведь слова со связанными корнями исторически развились из слов со свободными корнями в результате утраты слова с произвольной основой или в результате усложнения основы при заимствовании слова. Они тоже обнаруживают однонаправленные связи. См.: ? → добавить
прибавить
убавить и т.п.

Как видим, могут выстраиваться в парадигму, но не имеют реального производящего слова. А это значит, что производящая основа не может быть "выделена только путем соотношения производных основ", как полагал Г.О.Винокур. Важна не соотносительность, а выводимость про-

изводного слова из производящего. Следовательно, в плане синхронного СО могут рассматриваться из слов со связанными корнями только те, для которых в современном языке находятся производящие.

5.6. Наряду с грамматической основой /см. 4.6./ существует ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОСНОВА. Различаются они прежде всего по функции. Лексическая основа имеет отношение к образованию слов - лексем. Будучи составной частью слова, лексическая основа, как и содержащее ее слова, разнообразится по видам и входит в два противопоставления: непроизводная - производная основы и производная - производная /производная/основы. В первом противопоставлении отражается причастность - непричастность к акту СО, а во втором - позиции, которые они в нем занимают.

В описании СО как динамического процесса, естественно, во внимании нуждаются лексические основы второго противопоставления. ПРОИЗВОДНАЯ ОСНОВА - это основа, которая получена в результате акта СО. В составе производного слова она становится грамматической основой /лес-я-ой/, выражает лексическое значение, объединяет все словоформы лексем. ПРОИЗВОДЯЩАЯ ОСНОВА - основа, от которой образуется производное слово, - нуждается в особом внимании. Это единица многогранная и очень важная в СО. На нее опираются понятия о словопроизводной паре однокоренных слов, о СТ, СП, СГ. С ней связаны понятия о ВФС и СЗ. В литературе же ей уделяется необоснованно мало внимания. Сообщаемые о ней сведения неполные, а нередко и не вполне точные. Так, считается, что производящая основа по форме и значению более простая, чем основа производная /РГ-80/, хотя известны производные основы, более простые, чем производящие /глубокий → глубь/. Ей приписывается мотивирующая функция, хотя, как уже сказано, она не в состоянии ее выполнять. Производящая основа называется производящей базой /В.Н.Немченко/, хотя базовым / в отличие от производящего/ целесообразно называть сочетание слов, мотивирующее производное слово /подсобка ← подсобное помещение/. Недостаточно четко представлена в литературе связь производящей основы с ВФС, СЗ, СТ, СП, СГ.

Производящая основа "дает" новое слово. Она служит материальным связующим звеном между словами словопроизводной пары. Это часть производящего слова, повторившаяся в составе производного, унаследована им. Она принадлежит двум этим словам. Входя в качестве ядра в производное слово, она обеспечивает материальную и семантическую связь его с производящим. Будучи представителем /частью/ производящего слова, она по ассоциации легко его вызывает в памяти. Поэтому

кажется, что производящей основы достаточно, чтобы объяснить образование производного слова. Отсюда упрощенное представление о том, что производное слово образуется от производящей основы. В действительности же слова образуются от слов /или сочетаний слов/, но унаследуют от своих предшественников или слово в целом, или часть его — производящую основу. Производящая основа до акта СО реально не существует /В.А.Горпинич/, это подтверждает известная в науке мысль о том, что словообразовательные отношения — это межсловесные отношения.

По материальному виду различаются следующие производящие основы:

- 1) основа, внешне сходная с основой словоизменения производящего слова в его исходной форме /вод-н-ий ← вода/. При этом обнаруживается многофункциональность одного и того же линейного отрезка слова.
- 2) Производящая основа может извлекаться из косвенных форм слова и внешне быть сходной с вариантными формами основы словоизменения /имя, имени → имен-н-ой/. 3) Она может извлекаться не только из синтетических, но и аналитических словоформ /под стаканом → под-стакан-ник-я, не измерить → неизмер-им-ий/. 4) Производящая основа может извлекаться из неизменяемых слов /кенгуру → кенгур-енок-я/. 5) Условно производящей основой можно считать производящее слово в целом: а) морфемное /членимое/: думать → в-думать-ся, б) неморфемное /нечленимое/ слово: ох → ох-а-ть.

По протяженности производящая основа разнообразится так: 1) она может быть равной слову /звук → призвук/, 2) основе словоизменения /белый → бел-ок-я/ или сходной с ней части неизменяемого слова /такси → такс-о-фон/, 3) включать в свой состав предлог /привокзальный/ или частицу /неумолимый/, 4) быть короче основы словоизменения: а) на суффикс или субморф /утка → ут-енок-я/, б) равной слогу /ком-со-мод-я/, в) начальному звуку /в-у-з/, г) начальной букве /СССР/; 5) быть длиннее основы словоизменения, если используется интерфикс /жить → жил-ец-я/. Производящая основа в сравнении с основой словоизменения может претерпевать разнообразные фонологические изменения: чередование звуков, стяжение звуков, наложение морфем и т.п.

5.7. Понятие СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ТИПА фактически использовалось давно. Но теоретически оно до сих пор однозначно не определено. Не раскрыто известное в науке утверждение, что "система языка в области СО складывается из словообразовательных типов" /Н.Д.Арутюнова/. В РГ-80 говорится, что под словообразовательной системой авторы понимают совокупность СТ языка в их взаимодействии, а также совокупность СГ. Но не объясняется, в чем и как проявляется "взаимодейст-

ние типов" и как соотносятся СТ и СТ.

Применительно к образованиям морфологическим способом СТ - это ряд производных слов, объединенных одним и тем же СЗ и одинаковыми словообразовательными показателями /Б.Н.Головин/. Он программирует то, что призваны называть данные структуры. Как СЗ, так и материальные показатели СТ могут обобщаться, в результате чего производные слова объединяются в словообразовательные разряды, категории, классы /И.И.Ковалик/.

В конечном итоге СО формирует части речи, обнаруживая при этом и свою внеязыковую направленность - категоризацию реальной действительности. Лишь при учете "восхождения" СТ в словообразовательные разряды, категории, классы можно говорить, что система СО представляет собой совокупность СТ. Что касается соотношения СТ и СТ, то эти единицы существуют параллельно, не вступая в какие-либо связи. СТ представляет собой совокупность разнокоренных слов, строение же СТ основывается на объединении однокоренных слов в словообразовательные пары, цепи, парадигмы.

5.8. Фактически со СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ наука о языке давно имеет дело. Однако до сих пор оно находилось как бы в тени, поскольку в грамматике описывалась преимущественно роль аффиксов. В настоящее время, когда в качестве основной единицы наблюдения в СО стал СТ, СЗ как характерная черта типа выдвигается на передний план. Вместе с тем понятие СЗ в русистике еще не отстоялось. Обычно говорится, что СЗ - это некое общее значение, которое отличает все мотивированные слова данного типа от их мотивирующих /РГ-80/. В общем верно, но неясно, что же это за значение. СЗ ставится в связь со средствами его выражения. Причем одни считают, что носителем СЗ является формант /РГ-80/. Другие говорят о соотношении при этом форманта и производящей основы /Б.Н.Головин/. Третьи подчеркивают, что при определении СЗ необходимо учитывать грамматические категории слов /У.Г.Резвина/. Но что собой представляет СЗ, так и остается невыясненным, хотя конкретные СЗ нередко приводятся /РГ-80/.

Бесспорна связь СЗ со структурой производного слова, но не только форманта. Сам по себе формант его выражать не может. Ассоциативное значение форманта требует конкретизации его другими компонентами структуры слова. Этим объясняется многозначность аффиксов. Ср.: -к-а₁ /читка/, -к-а₂ /выскачка/, -к-а₃ /грузинка/, -к-а₄ /вечерка/ и т.п. СЗ наиболее четко выявляется в производных словах, образованных аффиксальным способом. Словообразовательная структура таких слов дву-

членная: они содержат производящую основу и формант. Соответственно СВ как часть содержания производного слова тоже является двучленным: его выражает аффикс в сочетании с производящей основой. Двучленность СВ становится "зримой", если производное слово "развернуть во внешнюю синтагму" /по С.Карцевскому/:

тот /агент/, кто учит /учитель/
то /место/, где учат /училище/
то /орудие/, чем /по чему/ учат /учебник/ и т.п.

В двучленной конструкции "тот, кто..." аналогом суффикса /обобщающая функция/ является указательное местоимение тот, а аналогом производящей основы /слова/ - придаточное предложение /различающая функция/. См.: скупец - тот, кто скуп. СВ связано с грамматической категоризацией действительности: функции одинаково звучащих аффиксов разнообразятся прежде всего в зависимости от того, в пределах каких грамматических категорий создается производное слово. Ср.: в существительных с грамматическим значением одушевленности суффикс -чик/-щик- указывает на деятеля /заправщик/, а в словах с грамматическим значением неодушевленности созвучный суффикс указывает на значение вещи /счетчик/. Надо полагать, что это суффиксы - омонимы.

Отражая реальную действительность, язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по рубрикам основных понятий /В.В.Виноградов/. СВ, следовательно, представляет собой "рубрики основных понятий", называемых в производных словах. Иначе - это "классы объектов наименования". В качестве одного из компонентов оно входит в лингвистическую модель отображения действительности, через которую пропускается любой материал, получаемый в результате познания действительности /В.Н.Мигирин/.

Итак, структура производного слова /СТ/ отражает и задает СВ - класс объектов наименования. Использование же предоставляемых языком возможностей определяется конкретным опытом номинации, потребностями народа в ней, отсюда - реальные и потенциальные /5.2.3/ слова

Возможны разные степени абстрагирования и обобщения СВ. На уровне СТ - самая низкая ступень. Здесь СВ еще "отягощено" конкретным признаком называемого объекта, поэтому тесно связано с лексическим значением производящего. Возникает частное СВ. На уровне словообразовательного разряда СВ передается формулой "тот, кто обладает указанным признаком". На уровне словообразовательной категории СВ еще более обобщается: "класс деятеля". А на уровне части речи СВ - "предмет как носитель признака". В нем обобщаются и класс деятеля,

и класс вещи, и класс отвлеченного действия или качества. Каждый из этих классов можно разворачивать и уточнять. В области имен прилагательных наиболее общие классы наименования — это их лексико-грамматические разряды /качественные, относительные и притяжательные/, каждый из которых в свою очередь дифференцируется. См. среди относительных: отношение к лицу /учительская комната/, животному /конный базар/, материалу /медный таз/ и т.п. У глаголов это способности действия: интенсивность /выбелить, отгладить/, направление движения /удететь, придететь/ и т.п. В наречиях это качественные и обстоятельственные признаки /утром, по-птичь, вплыв/.

СЗ — это значение не лексическое, а обобщенное, категориальное.

СЗ на уровне производного слова /СТ/ служит точкой отсчета для тех сопутствующих значений, или "наращений", которые возникают у него в процессе употребления. Напр., слово писатель "тот, кто пишет" получило надбавку "пишет /создает/ художественные произведения". В сочетании с этой надбавкой к СЗ сложилось лексическое значение слова писатель — "тот, кто создает /пишет, диктует и т.п./ художественные произведения". Важно учитывать также, как отражаются именуемые классы в языке. В одних случаях /их большинство/ объективно передается объективно существующие явления: переделат, белизна. В других случаях название отражает реальный признак интенсивности: пережарить, вчитаться. В третьих — производное слово отражает субъективную оценку предмета говорящим. Истинные признаки самого предмета при этом не имеют значения: цветочек, аленький.

В описании системы СО нужны не только констатация СТ, обобщение их по аффиксам и производящим основам, но и обобщение СЗ, перечни "рубрик основных понятий", отражаемых в производных словах.

5.9. Вопрос о ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ СЛОВА имеет свою историю. Ему посвящена огромная литература. Между тем проблема ВФС изучена все еще недостаточно. В плане установления связи ВФС с СО наблюдается: 1) признание ВФС как признака наименования /А.А.Потебня/ и включение ее в систему СО /В.Н.Мигирин/, 2) отождествление ВФС со СЗ /Б.В.Якушин/, со структурной мотивировкой слова /К.А.Сафарова/, 3) включение ВФС в СО, но придание ей статуса морфемы, выделяемой при синхронном анализе, в отличие от корня, выделяемого, по мнению автора, лишь в плане диахронии /Н.И.Мигирин/, 4) квалификация ВФС как этимологического /предшествующего/ значения слова /В.П.Чесноков/, 5) подчеркивание того, что в систему СО ВФС не входит /О.Г.Ревина/.

Принимая за основу учение А.А.Потебни о ВФС, по поводу приведен-

ных точек зрения скажем следующее. ВФС не должна сводиться к СВ и структурной мотивировке слова потому, что она в известной мере свободна от способов и средств СО. Связана не со всеми материальными частями производного слова, а только с той из них, которая является в нем представителем производящего слова, называющего признак, выделенный в референте наименования, — с производящей основой. Причем категоризация действительности, как уже сказано, осознается не по самой основе, а по тому производящему /базовому/ слову, на которое эта основа указывает. ВФ — семантический компонент содержательной структуры производного слова, поэтому нет оснований отождествлять ее с морфемой — двусторонней частью слова, обладающей содержанием и формой выражения. К тому же корень, как и другие морфемы, — это единицы морфемного, а не словообразовательного уровня, рассматриваться же он может в плане не только диахронии, но и синхронии. Об этимологическом характере ВФС говорить не приходится в плане синхронии. Сводить ВФС к значению предшествующего слова также неправомерно, поскольку производное слово обычно унаследует от производящего значение не в полном его объеме, а лишь в каких-то семмах. ВФС — это общая семема двух слов — мотивированного и мотивирующего /В.М.Русановский/. См.: каштановый — "сделанный из каштана" /каштановая шкатулка/, "состоящий из каштанов" /каштановая аллея/, "цвет плода" /каштановая борода/ и т.п.

Нет оснований исключать ВФС из описания системы СО, ибо СО органически связано с номинацией, а номинация не мыслима без ВФС /см. 5.1./. Будучи признаком наименования, ВФС обнаруживает более тесную, чем СВ, связь с референтом. Признак наименования выбирается в реальном предмете /внеязыковая сторона названия/. Из бросившихся в глаза признаков в качестве представителя предмета можно взять только тот, который в языке уже обозначен словом или сочетанием слов /внутриязыковая сторона названия/. Следовательно, ВФС — это значение, которое строится на догадке при сопоставлении производного слова, отнесенного к конкретному предмету, с его производящим. Она объясняет /мотивирует/ связь производного слова с конкретным референтом /классом их/, отвечает на вопрос, почему предмет так назван.

У ВФС функция объяснительная, по направлению объяснения ретроспективная, хотя, как уже сказано, при создании слова она тоже имеется в виду. ВФС обеспечивает связь между познаваемым и познанным, раскрывает механизм "объединения мысли и звука в слове" /А.А.Потебня/.

Будучи семемой, общей для двух слов, ВФ выполняет роль их скри-

того сравнения по определенному признаку /В.М.Русановский/. Сравнение же как основа любой метафоры делает ВФ образным способом выражения значения слова /А.А.Потебня/. ВФС опирается на реальные, чувственно воспринимаемые признаки. Поэтому она относится скорее к области представлений, чем понятий. ВФ и лексическое значение сосуществуют в содержательной структуре слова как элементы разной степени абстракции – образ какого-то из представлений /ВФ/ и понятие как отражение наиболее общих и в то же время существенных признаков данного объекта. ВФС может сохраняться и определять ассоциативно-образное восприятие его лексического значения, входить в его коннотацию. См.: обезьянничать – "слепо подражать кому-либо". ВФС и его лексическое значение, сосуществуя, могут находиться между собой в отношениях противоречия. Напр., многосемейный /о мужчине/ – "имевший много членов одной семьи", а не "много семей". В употреблении производное слово может закрепиться за понятием /сигнификативный уровень/. В таком случае связь его с производящим словом по представлению ослабевает или вовсе утрачивается, ВФС забывается, слово становится условным /немотивированным/ обозначением. См.: коричневый – "буро-желтый", по ВФ – "цвета корицы". Благодаря образной природе ВФ, производное слово может развивать всё новые значения, становиться многозначным.

ВФС, будучи сопряженной с выделением и объективацией признаков наименования, закрепляет в словах соответствующую гносеологическую информацию. Эта категория свидетельствует о тесной связи языка/лексики и иных средств номинации/ с реальной действительностью, с мнением и культурой народа. Поэтому желательно выявить в языке все типы ВФС. К нашему времени установлены лишь наиболее известные. В наименовании предметов это: 1) цвет /желток, зеленка/, 2) форма /котелок, треуголка – головные уборы/, 3) запах /пахучка – растение, вонючка – насекомое/, 4) вкус /кислица, горчак/, 5) место произрастания /боровик, подберезовик/, 6) сходство с другим предметом /молочай, просянка/, 7) наименования не действия: а) по характерному действию /кольчуга, липучка/, б) по характеру воздействия /чистяк, опреснитель/, в) продукт действия /варенье, насечка/, г) орудие, средство действия /опылитель, удобрение/, д) место действия /бойня, лежак/ и т.п. Наименования лиц осуществляется по самым разнообразным признакам /Н.И.Мигирина/.

5.10. Понятие ПАРАДИГМЫ – ассоциативных рядов из "единиц языка как элементов его системы" /О.С.Ахманова/ – вполне уместно в СО, хо-

ты в науке оно еще не отстоялось. Обычно используется определение СП, приведенное в словаре Э.Хэмпса, — "множество родственных слов, содержащих общую основу и все аффиксы, которые могут к ней присоединиться". Выделение СП, по Э.Хэмпсу; полезно прежде всего для понимания словообразовательной паронимии /отклик — отклик, горячий — горячий/. Но, с другой стороны, оно ориентирует на слова одного СГ, а в гнезде дублирует понятие "ступень производности": в СГ столько СП, сколько в нем ступеней производности.

Возможно иное употребление термина "словообразовательная парадигма", если в основу объединения производных слов положить СЗ. В таком случае СП можно считать ряды производных слов, объединенных в систему по классам обозначаемых ими референтов. Такое понимание СП выводит ее за пределы СГ и отражает то, что регулярно повторяется в сериях родственных слов различных гнезд. Описание СО, ориентированное на СП в предлагаемом понимании, не отрицает, а существенно дополняет и уточняет ныне принятое описание. Оно позволяет создать обзримую систему СО, показать, что отношения слов в СО в конечном итоге выливаются в отношения между частями речи. См.:

Словообразовательная парадигма

Производящие слова	Производные слова							
	Существительное			Прилагат.		Глагол	Наречие	
	дейтель		вещь	отвлеч. понят.	каче- ств.	отно- сит.	спо- собн- ств. дей- ств.	каче- ств. и обстоят.
лицо	живот- ное							
Сущес- тельное	бара- бан	бара- бан- щик				бара- бан- ный	бара- бан- нить	
	белый	беляк ₁	беляк ₂	белок белёв белян- ка	белиз- на	бело- ва- тый беле- сый белень- кий	белеть белить	набело
Глагол	мыть	мой- щик		мытьё мойка		моу- щее	мытьё	
Наре- чие	вчера					вче- ра- шний		

Однокоренные слова разных частей речи обеспечивают заполнение в высказывании позиций всех членов предложения: "лексический параллелизм" /В.Н.Мигирин/. В противном случае возникает необходимость заполнения пустых клеток в СП. Ср.: нет существительных вроде спун, спач, поэтому для названия лица используется субстантивированное причастие спящий или синтаксический оборот: тот, кто спит /спал, будет спать/.

СП, проецируемая на класс именуемых объектов, в сочетании с категорией ВЭС и синхронного СГ, по-нашему, послужит опорой для новой теории СО, призванной объединить семасиологию и СО в теорию номинации.

5.II. СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО – это совокупность однокоренных слов, упорядоченная отношениями производности /В.В.Лопатин/. Мы обращали внимание /1975 г./ на то, что в таком гнезде /в отличие от СМГ/ слова располагаются по родству: по линиям родства /СЦ/ и по ступеням родства /СП/. В вершине СГ должно находиться реальное корневое слово, неморфемное слово или слово со связанным корнем, если у него есть производные. С большим удовлетворением мы встретили такой же взгляд на структуру СГ в работах А.Н.Тихонова.

Считаем важным подчеркнуть, что в СГ связь по родству узнается не путем извлечения корневой общности слов /корень при этом не бывает целью мысли/, а установлением отношений, которые сходны с отношениями родоначальника к потомству /А.А.Потебня/. Этот прием применим не только в плане диахронии /этимологии/, но и в плане синхронии.

На каждой последующей ступени производности слово структурно все более укладывается и по значению удаляется от исходного слова /центробежное устремление связи/. Наличие же общей для всего гнезда идеи значения, исходящей от корня /центростремительное направление связи/, обуславливает связи, которые в СО называются "чересступенчатыми", "опосредованными" /К.А.Левковская/, "опосредованной мотивацией" /И.С.Улуханов/. Чересступенчатая семантическая связь производного с корневым словом, с одной стороны, помогает семантизации ранее неизвестного слова /обезвоживание – вода/, с другой стороны, может быть источником ложной семантизации /дворянка в речи детей – "дворяжка"/.

6.0. Лексика современного русского /и украинского/ языка, как известно, является продуктом длительного исторического развития. В самом языке синхрония перекрещивается с диахронией. Естественно, что адекватное описание слова как определенного структурного целого в системе современного языка требует привлечения данных диахронии. Отсюда

- разное понимание этимологической характеристики структуры слова.

6.1. Если исходить из того, что этимология изучает родословную производного слова и что такие связи выявляются не только исторически, но нередко и на материале современного языка, то вполне закономерно различать этимологию синхронную и диахроническую. В первом случае проводится синхронно-этимологический анализ /Н.М.Шанский/ производного слова не первой ступени образования, когда накопившиеся в слове служебные морфемы "снимаются" последовательно в порядке, обратном их "вхождению" в слово, и однокоренные слова выстраиваются в СД с исходным словом в ее начале. Диахроническая этимология занимается тем, что не может быть объяснено на материале современного языка. Уходит в глубь истории данного языка или прибегает к помощи других языков. Выявляет те изменения, которые претерпевают слова в их историческом развитии и ведут к дестимологизации /Л.А.Булаховский/.

6.2. ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ГНЕЗДО - это совокупность генетически родственных слов. Построение ЭГ отличается от построения СГ и СМГ. Оно начинается не с вершины, а с анализа известных в языке слов, которые возводятся к вершине - к исходному генетическому корню. При этом восстанавливаются утраченные словообразовательные звенья в родословных цепях и утраченные связи между этимологическими гнездами, если имел место разветвление гнезда.

В этимологическом анализе нуждаются: 1) исконные корневые слова: многие из них исторически производные /пир, ящик /, 2) слова со связанными корнями, утратившие словообразовательные связи /одеть - надеть/, 3) слова, претерпевшие изменения в морфемном составе, а также звуковые, семантические изменения /облако, хорь, воспитать/, 4) иноязычные слова: многие из них при заимствовании подвергаются разного рода изменениям /атеист, одеколон/.

7.0. Генетическая связь и тесное единение украинского и русского народов обусловили то, что сходные черты русского и украинского языков доминируют над их специфическими особенностями.

7.1. На уровне СОСТАВА СЛОВА сходное проявляется в материальной общности, в тождественном значении и функционировании многих исконных и заимствованных морфем, в фонемном составе морфем, в чередованиях звуков, в наборе структурных типов слов. Отличия на этом уровне обнаруживаются в неодинаковом звучании, написании, функционировании, в смысловых и стилистических оттенках многих из общих для них морфем, а также в наличии у каждого из этих языков своих специфических морфем.

Довольно часты расхождения в звуко-буквенном выражении КОРНЕЙ, общих для обоих языков. Ср.: рус. белый, богатый, укр. білий, багати́й; в морфонемах корней: рус. д:д':ж:зд /ходо́к, ходи́ть, хожу́, ходе́ние/, укр. д:д':дж /ходи́ти, ходи́ння, походи́ння/. Возможны различия в семантике: рус. лечить - "врачевать", укр. лічити - "считать". Поскольку корни являются составной частью слова, то важно учитывать еще особенности дистрибуции, которые характерны преимущественно для каждого из языков в отдельности. Ср.: рус. обрадо́ваться, укр. враді́ти.

ПРИСТАВКИ, общие для русского и украинского языков, как правило, одинаковыми являются и по значению /см. без-, до-, на-/. Бывает различия в варьировании одних и тех же приставок /ср.: рус. от- (ото-), под- (подо-), укр. від- (вiдi-), під- (пiдi-)/. В общем же состав приставок не совпадает. Так, русский язык обладает двумя приставками - в-, у-, в украинском языке это варианты одной приставки. В русском языке есть приставка с- (со-) и из- (ис-), в украинском языке с- (сь-) слилась с приставкой из-, получившей варианты з-, із-, с-, ізi-, зі-, зо-. В русском языке много приставок на -в /в вариантах - іВ/, в украинском языке всего три /в вариантах - четыре: без-, воз-, роз- (ровi-)/. В русском языке роз- (рос-) встречается только под ударением, в украинском языке ров- (ровi-) используется в любой по отношению к ударению позиции, воз- встречается редко.

СУФФИКСЫ, общие для русского и украинского языков, обычно одинаковы по значению /-ей-, -ник-, -тель- и др./ . Но в целом состав суффиксов не совпадает, а у совпадающих не всегда одинаковы функции и дистрибуция, так что в общем межъязыковые отношения суффиксов оказываются сложными.

ОКОНЧАНИЯ в своих наборах наиболее устойчивы по языкам, поскольку выражают грамматические значения. Количество позиций в парадигмах склонения имен /за исключением звательной формы, сохранившейся в украинском языке/ и спряжения глаголов в близкородственных русском и украинском языках одинаково, но по набору окончаний не совпадают, поскольку отражают неодинаковые изменения генетически общих звуков, морфем.

7.2. На уровне СЛОВООБРАЗОВАНИЯ русский и украинский языки, с одной стороны, имеют много общего. Это строительный материал для СО: во многом сходный лексический фонд, а также корни, приставки, суффиксы как исконные, так и выделившиеся из фонда заимствованных слов. Одинаковы в них способы СО, типы номинации. Много общего в СВ и ВФС.

С другой стороны, общее, как правило, проявляется на абстрактном

уровне, а на уровне материальном и функциональном – конкретное, специфическое для каждого из языков. Так, одинаковые в обоих языках аффиксы нередко функционируют по-разному. Поэтому отмечается многоплановое соотношение между аффиксами одного языка с аффиксами другого языка, что отражено в нашем словаре морфем и в сопоставительных таблицах. Описание внутриязыковых и межъязыковых семантико-функциональных связей аффиксов позволит поставить на прочную лингвистическую основу проблему точности и выразительности речи.

На уровне СО наблюдаются еще такие явления. Приоединение к производящей основе одинаковых аффиксов может сопровождаться неодинаковыми морфологическими изменениями /ср. рус. запорожский, укр. запорізький/. Отдельные оттенки значения в одном языке передаются с участием аффикса, а в другом – без него, лексически /ср. укр. попоїздити, рус. долго, много поехать/. Часто разными оказываются сочетательные особенности аффиксов /ср. рус. болотный, пшениый, укр. болотяний, пшоняний/. Отличается выбор способа номинации одних и тех же предметов, понятий /ср. рус. приоткрыть, пчеловод, укр. трохи відкрити, бджоляр/, а также признак наименования /ср. рус. подснежник, укр. продісок/. При одинаковой ВФС может различаться словообразовательная структура слова /ср. рус. рыбий (жир), укр. риб'ячий (жир)/.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что между фактами русского и украинского языков на уровне структуры слова наряду с общностью наблюдаются частично сходные и специфические для каждого из них черты. В случаях частичного несовпадения каких-то явлений отмечается межъязыковая интерференция.

7.3. Явления УКРАИНСКО-РУССКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ в области структуры слова по существу только начинают изучаться. Материалом нашего исследования послужили магнитофонные и блокнотные записи устной русской речи в разнообразных ситуациях общения украинцев – представителей обо его пола и различных социальных групп, а также ответы на Лингвистический вопросник отдела русского языка Института языковедения им. А.А. Потебни АН УССР. Предметом исследования была интерференция на уровне СО и морфемного СС, которая обнаруживается, естественно, прежде всего в устной речи, когда внутренний контроль за формой высказывания у говорящего ослабевает, а система родного и второго языков в его сознании противопоставлены недостаточно.

Изученная нами русская речь украинцев Донецкой области преимущественно нормативная, что обусловливается высокой степенью системной организации СО и СС в этих языках.

Отклонения от литературной нормы делятся на внутриязыковые и межъязыковые. К первым относятся нарушения в употреблении слов, присущих обоим языкам, но в русском языке воспринимающихся как устаревшие, диалектные или просторечные, а в украинском языке являющихся нормативными, под его влиянием они включаются в русскую речь: погибель /вм. гибель/, почать /вм. начать/, уморилась /вм. устала/ и т.п. Ко вторым принадлежит межъязыковая интерференция. Она занимает основное место среди отступлений от литературной нормы в русской разговорной речи украинцев.

В зависимости от того, что подвергается смешению — слово в целом или отдельные компоненты его структуры, — различается межъязыковая интерференция на лексическом уровне /зуинка вм. остановка; ласони вм. лакоштва и т.п./ . Лексические украинизмы встречаются редко, а интерференция в СО и СС — довольно часто, преимущественно в простых словах, реже в сложных.

В ПРостых производных словах она проявляется в приставочных и суффиксальных образованиях и в морфологии производных слов. В приставочных образованиях имеет такие виды: 1. При общих для обоих языков корнях смешиваются приставки, присущие обоим языкам, но не одинаковые по функции, дистрибуции или звучанию: дитя заспокоїлось вм. успокоилось; он пригрожаєт вм. угрожает и т.п. 2. При общих для обоих языков корнях специфически русские приставки заменяются соотносительными украинскими. Чаще всего это касается старославянских по происхождению приставок вз-, из-, пре-, рав-, хотя порой распространяется и на исконные приставки, если они подверглись существенным фонетическим изменениям: от боли скрикнув вм. вскрикнул; скоса посмотрел вм. искоса; перервал разговор вм. прервал.

Особенно часты отступления от литературной нормы в употреблении приставочных глаголов с корнями -клад-, -лог-/-лож-: дорогу прокладаєт вм. прокладывает; ложите на место вм. кладите; язык и горло обкладло вм. обложило и т.п. Главной причиной этих ошибок является сложность видовых и семантико-стилистических отношений между глаголами с названными корнями как в каждом из данных языков в отдельности, так и их межъязыковых соответствий, влиянием украинского языка и русского просторечия. 3. Бесприставочные русские производные слова подменяются присущими украинскому языку приставочными: его заарестовали вм. арестовали; голос спевучий вм. певучий. 4. Префиксальные образования заменяются характерными для украинского языка беспрефиксальными: ладня, можно сказать, цезаєт вм. исчезает. 5. Употребляются глаголы с

типичным для украинского языка префиксом при русском описательном обозначении понятия: попобегад, пока королю нашел вм. немало побегал.

Интерференция в суффиксальном СО вызывается аналогичными причинами и проявляется в следующих типах: 1. При общих для русского и украинского языков корнях смешиваются общие для них, но по-разному функционирующие суффиксы: покупник вм. покупатель, бурильник вм. бурильщик и т.п. 2. При общих для обоих языков корнях используются специфические для украинского языка суффиксы: радови-то какие вм. радости, учительст вм. учителствует. 3. При украинских по звучанию корнях используются русские суффиксы: пташница вм. птичница, нафтовый запах вм. нефтяной и т.п. 4. От русских или иноязычных производящих слов образуются производные по модели, активной в украинском языке: оклеивач вм. оклейщик, аттестувать вм. аттестовать и т.п. 5. Нарушается литературная норма в употреблении постфикса -ся: то он набиточный /млекопитающийся/, то /чаще/ его недостает /трудящийся/.

При ответах по лингвистическому вопросу, в отличие от разговорной речи, когда выбор нужной формы осуществляется почти автоматически, нужно было приводить требуемые формы, которые для говорящего /отвечающего/ могли оказаться трудными. Отсюда нередки пропуски в анкете и, кроме нормативных, — слова, которые в употреблении отсутствуют, но возникают в памяти по аналогии с образованиями активного типа. Это так называемые потенциальные слова. Напр., в образовании прилагательного от слова досось /мясо досося/, малоупотребительного в речи информантов, обнаружился широкий разброс колебаний. Из 120 ответов варианты формы дососёвый и досёсий, допускаемые литературной нормой, отмечались лишь в отдельных ответах. В 13 — прочерки. В 87 приводится правильная по образованию, но ошибочная по ударению форма дососевое /мясо/. В остальных 20 ответах были формы: дососиное, досиное, досинное, дососиное, дососеве, дососивое, дососианное, досёвое. Как видим, кроме колебаний в выборе суффикса, здесь обнаружилось также смешение производящих основ имен существительных досось и дось.

В морфологии производных и в исторических изменениях в СС интерференция проявляется в следующем: 1) в чередованиях звуков: гадяцкий /житель/ вм. гадяцкий, от Гадяч; 2) в отсутствии упрощения согласных: притягнуть вм. притянуть; 3) в отсутствии наращивания на корень: вынимать вм. вынимать; не надо подказывать вм. подсказывать и т.п.

В СЛОЖНЫХ СЛОВАХ интерференция проявляется реже, чем в простых, и разновидностей ее меньше. В изученном материале отмечаются следующие ее типы: I. Образование производных от простых производящих, между

тем как для русского языка характерны образования от сложных производящих: овчарство вм. овцеводство, повидь началась вм. половецье. 2. В сложном слове соединяются разноязычные компоненты: почвознавец вм. почвовед, звукосилшвач вм. звукоусилитель. 3. Смешение способов номинации: понятие обозначается простым словом, хотя в русском языке ему соответствует составное наименование: молочарство вм. молочная промышленность.

Описанные явления межъязыковой украинско-русской интерференции на уровне СО и СС объясняются преимущественно влиянием украинского языка. Сказывается также степень речевой культуры информантов.

8.0. Реферлируемые СЛОВАРИ представляют собой практическое воплощение результатов исследования структуры слова русского и украинского языков и разработки предлагаемых типов словарей.

8.1. Служебные морфемы русского языка в лексикографии начали отражаться с I пол. XIX в. Это были префиксы в качестве поясняемых слов в тождовом словаре. С 60-х годов XX в. выделяются и суффиксы в линейном ряду морфем расчлененного слова /З.А.Потиха/. Словарей же служебных морфем не было ни в русистике, ни в украинистике, хотя практика преподавания языка подсказывала необходимость их.

Наш "Словарь служебных морфем русского языка" первый в этой области. Он основан на известном в науке опыте сопоставительной характеристики морфем сравниваемых языков. Отражает достижения современного языкознания и лексикографии.

8.1.1. По составу поясняемых морфем наш словарь морфемно-словообразовательный. В него включены наиболее употребительные в русском и украинском языках словообразовательные и формообразующие аффиксы /около 600/ четырех частей речи — существительных, прилагательных, глаголов и наречий. Это приставки, суффиксы, постфиксы. Впервые в словарь включаются биморфемы. Наряду с продуктивными поясняются аффиксы малопродуктивные и непродуктивные. Приводятся также слова, содержащие служебные морфемы, которые сохраняют свой звуко-графический вид, хотя утратили выделяемость /воздух, патока, поезд и т.п./, чтобы предостеречь от смешения современного и исторического членения слов.

8.1.2. Во введении раскрывается значение словаря. Наш словарь содержит многоплановую характеристику служебных морфем русского и украинского языков, наглядно показывает, что в этих языках преобладает общность морфемного состава, СТ, выражаемых производными словами полнотных и грамматических значений. Вместе с тем имеется немало частично сходных явлений в области структуры слова. Определяется тип

словари. Это толково-сопоставительный двуязычный словарь-справочник служебных морфем. В нем есть также элементы этимологического словаря и переводных словарей. Осуществлен исторический подход к освещению морфем. Сообщаются сведения о стилевых и стилистических особенностях, о межъязыковой соотносительности слов, содержащих поясняемые служебные морфемы, о подаче многозначных и омонимичных морфем в словаре. Поясняемые морфемы размещаются по разделам, которые соответствуют четырем названным частям речи. Внутри разделов служебные морфемы даются в подразделах: "Приставки...", "Суффиксы...", "Биморфемы...". В составе подразделов морфемы размещены по алфавиту.

Поскольку словарь сопоставительный, справочные статьи даются в нем в двух колонках: в левой /основной/ - поясняемые морфемы русского языка, размещенные в алфавитном порядке; в правой /справочной/ колонке - соответствующие морфемы украинского языка /алфавитная последовательность их, естественно, не выдерживается/. Если сходной морфемы нет, то против морфемы, специфической для одного из языков, делается отсылка к другой, функционально близкой морфеме /напр., в левой колонке низ-, в правой - см. в-/, или отмечается, как соответствующее значение передается в другом языке /напр., рус. пре-...пресечь, укр. покласти край, припинити/.

8.1.3. Об аффиксах сообщаются разнообразные сведения, что определяет структуру статей. Так, к заглавной морфеме приводятся ее морфы, напр., из-,изо- /перед группой согласных/, ис- перед глухими согласными/, изъ- /перед йотированными буквами/. Объясняется происхождение морфем, напр., -л-(ий) - исконный причастный суффикс; недо- возникла из сращения отрицательной частицы не и приставки до-. Для иноязычных аффиксов называется источник заимствования, напр., а- - заимствованная (греч.) приставка. Делаются замечания о регулярности аффикса, напр., -н-(ий) широко употребляется; отмечается его нерегулярность, напр., -тай-(), -атай-() встречается редко. Различаются аффиксы продуктивные, малопродуктивные и непродуктивные с соответствующими пометами. Обозначается чередование звуков на стыке производящей основы и форманта, напр., одинокий → одинок^кество.

Много внимания уделяется семантической стороне служебных морфем. Раскрывается значение аффиксов в составе слова. Учитывается полисемия их, напр., имена существительные, содержащие приставку на-, обозначают: а) понятие отвлеченного действия: наводка; б) конкретный предмет: накидка; в) лицо: накатчик. Отмечается омонимия служебных морфем. К омонимичным мы относим: а) равнозвучащие морфемы, которые выделяется

в словах разных частей речи или образуют эти слова, они имеют далекие друг от друга значения, размещаются по соответствующим частям речи, напр., запеть "начало действия", загорье "пространство, территория"; плавкий "способный плавиться" и трубка "уменьшит. к труба" б) равнозвучающие морфемы, которые выделяются в словах одной и той же части речи, но в разных ее семантических группах /разрядах/ и выражают разные значения. Они помечаются арабскими цифрами справа внизу поясняемого аффикса, напр., в именах существительных -ец₁ со значением лица /боец, умелец/, -ец₂ со значением предмета /резец, рубец/. Обращается внимание на синонимия аффиксов в обоих языках. Это расширяет представление о лексическом богатстве языка, о внутриязыковых связях лексем. Приводятся антонимические /надводный - подводный/ и паронимические аффиксы /вбежать - выбежать/. Делаются пометы о стилиевой и стилистической окраске слов, содержащих соответствующие аффиксы, напр., надпись /хим./, изведать /торж./. Сообщается, из слов какой части речи извлечена производящая основа, с которой соединяется данный аффикс.

Много внимания уделяется функционированию аффиксов. Поскольку они функционируют лишь в СС, то межязыковое сопоставление проводится на уровне не только служебных морфем, но и содержащих их слов. Учитывается, что значение служебной морфемы четко выявляется в ее словообразовательной функции. Поэтому производные слова даются в паре с производящими. Это позволяет зрительно представить производящую основу как их общую материальную часть и формант. Об активных аффиксах говорится, что они образуют слова. Если аффикс непродуктивный, то отмечается, что он выделяется в слове. Пометой "выделяется" обозначены аффиксы, унаследованные производным в составе производящей основы, напр., пере- - глагольная приставка, выделяется в именах существительных, образованных от приставочных глаголов /переводить → перевод/. В отыменных производных разграничиваются приставки /группа → подгруппа/ и предлоги-приставки /на груди → нагрудник/. Приведенный в статье на ту или иную приставку материал дает возможность различать в функциональном плане: а) приставку, которая образовала данное слово /пригород/, б) приставку, которая унаследована производным от производящего слова /выдох/, в) приставку-предлог /подводный/, г) приставку - компонент биморфемы /наестся/, д) приставку, о словообразовательной роли которой в современном языке невозможно судить, хотя она выделяется /прибавить, убавить/; е) приставку, которая уже не выделяется, поскольку слово претерпело опрощение /воздух, природа/.

По всем параметрам их характеристики русские служебные морфемы сопоставляются с украинскими.

8.1.4. Наш "Словарь служебных морфем русского языка" предназначен для учителей-словесников школ Украины и для преподавателей вузов республики. Им могут пользоваться также аспиранты, студенты-филологи, изучающие русский и украинский языки, авторы учебников и учебных пособий по русскому и украинскому языкам для школы и вуза, а также все, кто интересуется структурой слова. Известный интерес представляет он для лексикографов, поскольку убедительно доказывает полезность и перспективность исследований в области межъязыковой, сопоставительной морфемологии.

8.2.0. Наш "Этимологический словарь русского языка" написан на материале существующих этимологических словарей русского языка. Кроме них, использованы многочисленные специальные исследования и статьи, содержащие нужные сведения по этимологии и общей теории языка, а также собственные изыскания автора. Привлечен материал из этимологических словарей других славянских языков. Первое издание словаря опубликовано в 1970 г., второе издание, переработанное и дополненное 15-ью п.л., - в 1989 г. В нем увеличено количество поясняемых собственно русских слов и количество примеров из украинского языка и его диалектов. Более широко, чем в первом издании, представлены родственные связи между исконно русскими и заимствованными словами.

8.2.1. Поскольку словарь ориентирован на широкий круг читателей, в нем представлены слова преимущественно из активной лексики современного русского литературного языка. Вместе с тем /в силу специфики словаря/ поясняются также отдельные устаревшие, профессиональные, разговорные и просторечные слова, которые используются в устной речи или встречаются в художественных, публицистических текстах, а также в научной и учебной литературе. Во втором издании словаря уделено внимание лексическим группам слов: в полном составе представлены, например, служебные слова, наиболее известные лингвистические термины. В общей сложности словарь содержит более 5 тысяч поясняемых слов.

В составе словника преобладают исконные корневые слова. Из производных слов взяты те, которые претерпели в своем историческом развитии более или менее существенные фонетические, морфемные /морфологические/ или семантические изменения, затемнившие исходное значение и первоначальную морфемную структуру этих слов. В составе словника

много иноязычных слов как корневых, так и производных. Среди заимствований, как известно, есть слова, которые давно проникли в русский язык и уже полностью в нем ассимилировались /вред, газета /, и слова, которые сравнительно недавно в нем появились и еще сохраняют иноязычный колорит /лайнер, экстракт/. Первоначальное значение и подлинный морфемный состав как первых, так и вторых слов носителям русского языка, как правило, не известны. Объяснение этимологии иноязычных слов имеет большое практическое значение прежде всего в том отношении, что, благодаря раскрытию этимологии, иноязычные слова из чисто условных словесных знаков превращаются в мотивированные слова, как бы оживают, внутреннее содержание их становится более близким и понятным говорящим. Напр., лайнер — из англ. *liner*, от *line* "линия", буквально значит "линейное", первоначально судно, т.е. судно, совершающее рейсы на определенной линии /в отличие от судна трамп, англ. *tramp*, — букв. "бродяга", которое плавает по любым направлениям/. Движение судна в одном определенном направлении /по линии/ обуславливает его быстроходность, отсюда дальнейшее — "скоростной /многоместный/ пассажирский самолет". У многих иноязычных слов при их этимологизации прояснятся смысловые и словообразовательные связи, что снимает с них оттенок изолированности. Нередко обнаруживается этимологическое родство между иноязычными и исконно русскими словами, напр., лайнер — динолеум — дён — лента.

Учитывая то, что этимологический словарь украинского языка только еще создается, в нашем словаре параллельно с русскими объясняются генетически родственные им украинские слова.

8.2.2. Кроме предисловия и списка условных сокращений, первое издание словаря содержало еще приложение "Пояснения к словарю" и библиографию. Во втором издании из-за объема словаря приложение и библиография сняты.

От существующих этимологических словарей научно-популярного типа наша книга отличается алфавитно-гнездовым расположением слов, что позволило экономно изложить этимологический материал, избегая ненужных повторений, и вместе с тем не затруднять читателя. Все слова этимологического гнезда слов в книге увязаны отсылками: односторонними, двусторонними, цепочными. Пользующийся словарем, начав с любого слова, при желании может без особого труда извлекать из него все имеющиеся в нем генетически родственные слова и таким образом определять размеры /мощность/ этимологического гнезда, продуктивность генетически исходного корня. Отсылки и графические обозначения позволяют уста-

навливать исторические чередования звуков, варьирующие морфемы, в частности - корневые /горло - жерло - ожерелье/, выявлять общность ВФС, напр., "згучие" слова /гореть - греть - жар - горький - загар/; наблюдать СТ слов, напр., имена существительные, образованные на базе предложно-падежных словоформ /напёрсток, напёрсник/, наречия из сращения существительного с предлогом /набок, наперекор/ и т.п.

8.2.3. В этимологических словарях, как известно, принято возводить поясняемое слово к праславянской или индоевропейской праформе, далеко не всегда раскрывая ход его развития от исходного к современному его состоянию /или в обратном направлении/. Нередко вне внимания остается то, как оформилось рассматриваемое слово в данном языке. Между тем широкого читателя интересует не только этимон, но и оформление слова.

В научно-популярных этимологических словарях, лучшим из которых является "Краткий этимологический словарь русского языка" Н.М.Шанского и др., словарные статьи по содержащейся в них информации очень пестры. В одних из них /в большинстве/ сообщаются сведения о первоначальном значении, об исторических звуковых изменениях, о словообразовательных связях генетически родственных слов /гостинец, гусеница, утлый/. В других - сведения по СО и звуковым изменениям, без этимона /веревка, вешний, власть/. В третьих - сведения только по СО /бабушка, обложка, платье/. В четвертых - лишь отсылка к родственному слову, этимология которого раскрывается /парить, плева, пять/.

В нашем словаре прослеживается развитие слова от современного его состояния до праформы. Где это необходимо, восстанавливаются "промежуточные звенья ассоциаций" /Ш.Балли/. Характер словарных статей, полнота сведений о поясняемом слове, естественно, определяются степенью изученности его этимологии. В научно-популярном этимологическом словаре разнообразие их желательно сводить к минимуму. Не помещать слов, об этимологии которых ничего не сообщается, кроме указания на отнесенность их к той или иной языковой основе /см. бок, слыть в словаре Н.М.Шанского и др./, а также иноязычных слов с тем значением в русском языке, что и в языке-источнике, когда объяснение ограничивается указанием времени и источника заимствования /пальто, баран, буфет - там же/. Мы много внимания уделяем так называемой ближней этимологии. Именно она часто оказывается непонятной для читателя, который не обладает знаниями по исторической грамматике и сравнительному языкознанию. А далее уже на праславянском и индоевропейском уровнях раскрываются семантические модификации и давние связи

слов. Наш словарь, таким образом, не только этимологический, но также словообразовательный и исторический с элементами толкового словаря.

Типичным в нашей книге является следующее строение статьи: заглавное слово с указанием его значения /элемент толкового словаря, но необходимый в научно-популярном этимологическом словаре, чтобы снять возможность смешения реконструируемого и современного значения слова/, сведения о происхождении, времени появления /фиксации его/ в русском языке /сведения исторического характера/, затем словообразовательно-этимологическое описание слова в направлении от современного его состояния к древнерусскому и далее - к праславянской и индоевропейской основам. Производные слова рассматриваются в составе СТ. Где это возможно, устанавливаются ветви развития этимона.

По сложности разыскания этимона в глубинах истории наметилось три типа статей: 1. Статьи о словах, этимологические связи которых лишь ослаблены. Первичное значение таких слов легко воспринимается уже при сопоставлении слов в пределах современного языка /забастовка - баста; окно - око/. 2. Статьи о словах с нарушенными этимологическими связями. При разыскании этимона в таких случаях приходится учитывать происшедшие в словах смысловые, фонетические или морфемные изменения и привлекать более или менее обширный языковой материал как русский литературный и диалектный, так и из других языков, напр., окорок - из о-корок, где ^хкорок из ^хкѣрѣкъ "нога", ср.болг. крак "нога", укр. из польск. крок "шаг". 3. Статьи о словах с совершенно утраченными этимологическими связями. Нынешнее значение их нередко представляется неожиданным по сравнению с первоначальным содержанием. Напр., существительное год по этимологии значит "благоприятное, подходящее время". При выяснении этимона слов этого типа, как правило, учитывается действие многих факторов, породивших этимологизацию.

Среди заимствованных слов различаются собственно заимствования /гидролог, шофер/, слова, преобразованные в русском языке /буква, тарелка/, и образования в русском языке с использованием иноязычных элементов /атомщик, гидроузел/. Соответственно делаются пометы: "заимствовано из такого-то языка", "на русской /восточнославянской/ почве преобразовано в таком-то отношении" или "образовано в русском языке на базе такого-то заимствования".

При определении источника заимствования в словаре разграничиваются языки-источники и языки-передатчики, учитывается этимологическое

²⁸
знание, связанное с самим образованием слова, и реальное значение слова, сложившееся в его употреблении /атом, солдат/.

При объяснении этимологии слова обязательно приводятся для сравнения однокоренные слова из других родственных языков. Особенно часты примеры из украинского языка. Это объясняется не только близким родством его с русским языком, но и тем, что словарь предназначен главным образом для читателей Украины. Для русского читателя примеры из украинского языка во многих случаях проливают дополнительный свет на этимологию или на словообразовательную модель понимаемых русских слов. См.: укр. веремін "кутерьма" /ст. время/; немовля "дитя" /ст. отрок/; глуца - глуха ніч /ст. глухой/; клейдеро дубач /ст. дятел/ и т.п.

8.2.4. Разработанный нами тип научно-популярного этимологического словаря русского языка призван оказывать помощь вузам и средней школе Украины в углублении изучения структуры слова русского и украинского языков. Содержащаяся в нем информация может быть использована при изучении лексикологии, морфемики, словообразования, орфографии, морфологии, диалектологии, исторической грамматики, введения в языкознание, лексикографии.

Происхождение слова, его первоначальное значение и разного рода исторические изменения, как известно, издавна привлекают внимание широкого читателя. Поэтому полагаем, что наш словарь будет способствовать развитию лингвистической любознательности, интереса к языку, а значит - повышению речевой культуры народа.

СПИСОК РЕФЕРИРУЕМЫХ РАБОТ

Книга, главы книг

✓ I. Состав слова и словообразование в русском языке. - Киев:Радинська школа, 1978. - 151 с.

Рец.: Алеш Бранднер // *Slovník práce Filozofické fakulty Brněnské University. A 30 Ročník. 1982. annus Rada fakultovní.* - с. 172 - 174.

2. Изучение состава слова и словообразования // Методика изучения русского языка /Под ред. Т.М.Иваницкой, Н.А.Пашковской. - Киев:Рад. школа, 1986. - с. 169 - 180.

3. Словообразование. Морфемный состав слова // Украинско-русское двуязычие. Социологический аспект /Ответств. ред. Т.К.Черторижская. - Киев:Наукова думка, 1988. - с. 114 - 125.

Словари

4. Этимологический словарь русского языка. - Киев:Рад. школа, 1970. - 597 с.

Рец.: В.В.Откупщиков // Русский язык в школе, 1971, № 3, с. 117-121.

И.И.Ковалик // Мовознавство, 1971, № 4, с. 83 - 84.

Journal of Russian studies, 1971, № 21, с. 42-44.

5. Этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, перераб. и доп. - Киев: Рад. школа, 1989. - с. 510.

Рец.: М.А.Ковтобрых // Мовознавство, 1990, № 1, с. 73 - 75.

6. Словарь служебных морфем русского языка. - Киев: Рад.школа, 1982. - с.239.

Рец.: Б.И.Бартков // Полуаффиксация в терминологии и литературной норме. - Владивосток: Изд-во АН СССР, 1986. - с.15.

Пособия для учителей

7. Изучение русского языка в 4 кл. школ с украинским языком обучения /В соавторстве с Г.М.Иваницкой, Н.А.Пашковской, Н.В.Суровой/. - Киев: Рад.школа, 1971. - с.101 - 113, 124 - 132.

8. Изучение русского языка в 4 кл. школ с украинским языком обучения, 2-е изд. /В соавторстве с Г.М.Иваницкой, Н.А.Пашковской, Н.В.Суровой/. - Киев: Рад.школа, 1978. - с.122 - 127, 142 - 161.

9. Изучение русского языка в 7 кл. школ с украинским языком обучения /В соавторстве с Г.М.Иваницкой, Н.А.Пашковской, Н.В.Суровой/. - Киев: Рад.школа, 1980. - с. 62 - 82.

10. Изучение русского языка в 5-6 кл. школ с украинским языком обучения /В соавторстве с Г.М.Иваницкой, Н.А.Пашковской, Н.В.Суровой/. - Киев: Рад. школа, 1982. - с. 4 - 58, 88 - 96, 119 - 120, 123 - 124, 125 - 131, 151 - 152, 184 - 199.

11. Изучение русского языка в 8 кл. школ с украинским языком обучения /В соавторстве с Г.М.Иваницкой, Н.А.Пашковской, Н.В.Суровой/. - Киев: Рад. школа, 1984. - с. 7 - 9, 49 - 69, 73 - 79.

Статьи, тезисы, рецензии

12. К вопросу о школьном этимологическом словаре // Наукові записки, вип. XI, Філологічна серія. - Донецьк, 1962. - с. 69 - 82.

13. Состав слова и орфография русского языка // Русский язык в школе, 1969, № 2. - с. 30 - 37.

14. Некоторые вопросы словообразовательного анализа в русском языке в плане синхронии // Мовознавство, 1974, № 3. - с.24 - 30.

15. Рец.: Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. - М.: Просвещение, 1973 // Русский язык в школе, 1974, № 5. - с.101-106.

16. Членимих и производные слова /основы/, вопрос об анализе их структуры в плане синхронии // Методика преподавания рус. языка и

литературы. Республиканский научно-методич. сб., вып. 9. - Киев: Рад. школа, 1974. - с. 153 - 167.

17. О корне и гнездах слов // Русский язык в национальной школе, 1975, № 2. - с. 71 - 77.

18. Связанные основы и отношения "взаимной мотивации" в словообразовании // Проблемы словообразования русского и украинского языков. - Киев - Донецк, 1976. - с. 61 - 72.

19. О содержании раздела "Словообразование" // Русский язык в национальной школе, 1977, № 3. - с. 15 - 19.

20. Словообразовательные особенности приставочных слов русского языка в сравнении с украинским // Русский язык и литература в школах УССР, 1978, № 3. - с. 54 - 58.

21. Исторические чередования звуков в составе слова русского языка в сравнении с украинским // Методика преподавания русского языка и литературы. Республиканский научно-методич. сб., вып. II. - Киев: Рад. школа, 1978. - с. 25 - 36.

22. Теоретические основы изучения словообразования в средней школе // Мовознавство I школа. - Киев: Наукова думка, 1981. - с. 177-200.

23. Раскрытие значения слова в русско-украинском словаре учебного типа // Теоретические основы разработки словарей учебного типа. - М.: АПН, НИИ содержания и методов обучения, 1981. - с. 73 - 82.

24. Образование на базе предложно-падежных словоформ // Русский язык и литература в школах УССР, 1982, № 3. - с. 53 - 57.

25. Семантические связи глагольных приставок в аспекте культуры русской речи на Украине // Культура русской речи в национальных республиках. - Киев: Рад. школа, 1984. - с. 98 - 101.

26. Рец.: Современный русский язык. Сб. упражнений /Под ред. Л.А. Быковой. - Харьков: Вища школа, 1985 /В соавторстве с И.А. Курдимовой/ // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР, 1986, № 10. - с. 78 - 79.

27. Работа с этимологическим словарем // Русский язык в национальной школе, 1986, № 12. - с. 14 - 17.

28. Этимология на службе орфографии // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР, 1989, № 7. - с. 46 - 50.

29. Служебные морфемы русского языка, отражение их в словарях // Деривация и деривационная лексикография. - Владивосток: Изд-во АН СССР, 1989. - с. 94 - 113.

30. О словообразовательной парадигме - одном из компонентов теории словообразования // Изучение грамматического строя языка и препода-

вание грамматики в вузе и в школе. - Кишинев: Штиинца, 1976. - с. 69 - 73.

31. Стилистические особенности приставочных глаголов русского и украинского языков // Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков. - Киев: Наукова думка, 1977. - с. 54 - 57.

32. К изучению состава слова русского языка в украинской школе // Совершенствование теории и практики обучения языку в школе. - Киев: Рад. школа, 1978. - с. 192 - 197.

33. Украинско-русская интерференция в словообразовании // Русский язык - язык межнационального общения, дружбы и сотрудничества народов СССР. - Кировоград, 1985. - с. 102 - 103.

34. Сопоставительные словари и предупреждение украинско-русской интерференции на уровне состава слова // Двуязычие в советском обществе. - Винница, 1988. - с. 326 - 328.

35. Об одной из актуальных проблем исследования /о гнездах слов с исконными корнями/ // Здійснення ленінської національної політики в Донбасі. - Донецьк, 1990. - с. 158 - 160.

36 - 109. Учебники по русскому языку для 4, 5, 6, 7, 8, 9 классов школ с украинским языком обучения /в соавторстве/. - Киев: Радянська школа, 1967 - 1990.

В. М. М.

Подп. в печать 17.07.91. Формат 60x84 1/16. Бумага множительная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 3, 25. Усл. кр.-отт. 3, 36. Уч.-изд. л. 3, 61.
Тираж 120 экз. Заказ № 4-6911. Бесплатно.

Институт языковедения АН УССР, 252001, Киев-1, ул. Кирова, 4

ДМАШ, 340050, Донець, ул. Артема, 96

466825

AB 25.442